

К 84(2=411.2)6

К 43

ИГОРЬ КИРИЛЛОВ
ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

TERRA INCOGNITA

16+

ИГОРЬ КИРИЛЛОВ
ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

TERRA INCOGNITA

Сборник стихотворений

Роли

Издательство «Lulu» - 0201556-
2016

Государственная
библиотека
Югры

КО

УДК

ББК 84 (2 Роч=Рус) 6-5

К 43

К 43 Кириллов И. В., Черкашин П. Р.

Terra incognita : сборник стихотворений / И. В. Кириллов ; П. Р. Черкашин ; вып. ред. П. Р. Черкашин. – Роли (США) : Изд-во «Lulu», 2016. – 148 с.

Первая совместная книга двух югорских поэтов – члена Союза российских писателей Игоря Кириллова и члена Союза писателей России Павла Черкашина – посвящена теме непрестанного постижения вечной и загадочной terra incognita, имя которой – Женщина.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

ISBN 978-1-365-53585-7

© Кириллов И. В., стихи, 2016

© Черкашин П. Р., стихи, дизайн, 2016

© «Lulu», печать, 2016

ИГОРЬ КИРИЛЛОВ

Об авторе

Кириллов Игорь Викторович (литературный псевдоним И. Северский) родился 1 декабря 1954 года в городе Красный Луч Ворошиловградской области. В 1972 году он окончил среднюю школу № 20.

С 1973 по 1975 года служил в Советской армии. В это же время, в областной молодёжной газете «Молодогвардеец» выходит первая большая подборка стихов. С 1976 года живёт и работает в Ханты-Мансийском автономном округе. В 1977 году в газете «К победе коммунизма» (Сургут) выходит большая подборка стихов. С 1978 по 1986 год работает корреспондентом, а затем редактором газеты «Нефть Приобья».

С 1986 года по 1996 работает заместителем главного редактора газеты «Ленинское знамя», «Местное время» (Нижневартовск). В это время регулярно печатается на страницах периодических изданий, активно участвует в работе литературного объединения «Замысел», выпускает литературную страничку «Иван-чай». В 1997 году в издательстве «Приобье» (Нижневартовск) выходит первый авторский сборник И. Северского «Письмена». Второй авторский сборник «Фрески» вышел в 2004 году. И. В. Кириллов с 1998 по 2006 год работает руководителем пресс-службы Думы Ханты-Мансийского автономного округа, а с 2006 по 2010 год пресс-секретарём главы Нефтеюганского района. И. Кириллов (Северский) регулярно публикуется в коллективных сборниках поэзии, которые выходят в автономном округе.

Сборник стихов «Кедровая грива» (коллективный). Екатеринбург. Средне-Уральское книжное издательство, 1998 год.

Сборник стихов (коллективный) «Меня по свету молодость носила» Екатеринбург. Средне-Уральское книжное издательство, 1999 год.

Альманах «Эринтур». Ханты-Мансийск, 1999 год.

Сборник стихов (коллективный) «Самаровский Ямб». Ханты-Мансийск, 2001 год.

Сборник стихов (коллективный) «Голоса». Нижневартовск. Издательство «Приобье», 2001 год.

Литратура Югры. Анология. Ханты-Мансийск, 2001 год.

Сборник стихов и прозы (коллективный) «Иван-чай». Екатеринбург. Издательский дом «Пакрус», 2002 год.

Литеатурная учёба. Книга четвёртая. Москва, 2003 год.

Литературная учёба. Книга третья. Москва, 2004 год.

Сборник стихов «Фрески». Ханты-Мансийск, 2004 год.

Коллективный сборник «Север России». Тюмень, 2004 год.

Альманах «Сургут». № 1. Сургут, 2004 год.

Альманах «Эринтур». Выпуск 9. Екатеринбург. Издательский дом «Пакрус», 2004 год.

Сборник «Окно в Югру». Ханты-Мансийск, 2005 год.
(Составитель В. Куриков)

Журнал «Сургут». № 1. Сургут, 2005 год.

Альманах «Зори Самотлора». Выпуск № 5. Нижневартовск, 2006 год.

Журнал «Наш современник». № 6. 2007 год. Москва.

Альманах «Зори Самотлора». Выпуск № 7. Нижневартовск, 2008 год.

Сборник стихов и прозы «Под северным небом». Екатеринбург. Издательство БАСКО, 2008 год.

Сборник стихов (коллективный) «Дивный свет прошедших лет». Шадринск, 2008 год.

Альманах «Эринтур». Выпуск 14. 2009 год.

Альманах «Зори Самотлора». Выпуск № 8. Нижневартовск, 2010 год.

И. В. Кириллов член Союза журналистов России и член Союза российских писателей. «Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа Югры» (Постановление 175 от 2 декабря 2008 года).

Ко мне приходит женщина одна

Ко мне приходит
Женщина одна —
Она мне не жена и не сестра.
И вешает на гвоздь
своё пальто—
Я ей никто
И мне она — никто.

Ко мне приходит
Женщина одна,
Она необычайно холодна.
Снимает туфли, платье и лицо,
На тумбочку кладёт
Своё кольцо.
К её ступням скользит
Последний шёлк,
А подо мною пол
Пошёл, пошёл, пошёл...
Как будто бы
Скрещенье ста дорог
На нас ползёт
Дощатый потолок.

И забытьё
И долгий жаркий стон,
Блаженный миг,
Короткий сладкий сон.

Затем спокойно
Женщина встаёт

Привычно всё своё
Она берёт.

Вот с тумбочки взяла она кольцо,
Вот надевает
Платье и лицо.

Знакомый долгий
Поворот ключа,
Уж каблучки
На лестнице стучат.
За нею наблюдаю я в окно—
Я ей — никто.
И мне она — никто.

И снова дни.
Без радости они.
Негромкими заботами полны.
Вот так проходят лето и зима,
Затем грядёт весна,
А с ней — она.
И снова каблучки её стучат,
И снова робкий поворот ключа —
Несмелый взгляд,
А в нём — немой вопрос.
Дурман её духов и папирос.

Но в жестах вновь
Читается легко:
Ты мне — никто.
И я тебе — никто.

Всегда рисую женщину одну

Всегда рисую женщину одну:
То старше выглядит она,
А то — моложе.
Я узнаю её по цвету кожи,
Из прочих всех её лишь узнаю.
А встречи с ней в себе несут беду,
Здесь свет и тени противоположны.
Игру их уловить бывает сложно—
Она вдали мелькнёт, и я иду.
И будто по пустыне я бреду,
Зной беспощаден, он жестоко строит.
Песок и пот —
От них тюрбан не скроет.
Нет никаких гарантий, что дойду.
Я знаю: не дойду, так доползу.
И если надо будет — шкуру сброшу.
Пред ней предстану грязным и заросшим,
Вдруг пожалеет и прольёт слезу.
А я её схвачу и увезу—
Прочь! Далеко!
В берёзовую рощу,
Но ей-то нужен кто-нибудь попроще,
Такой, что не сбежит встречать грозу.
Кто в будни — трезв,
Совсем не полуночник.
Ей нужен тот, который знает точно:
Что наша слава — лишь досадный зуд.
Она на ужин стряпает азу—
Под острым пряным соусом восточным.
Он в кресле спит,
Я это знаю точно,
Во сне сачком он ловит стрекозу.

Со мной же остаётся мой мольберт,
Неясный силуэт, что скрыт за шторой,
С приятелем случайным разговоры,
Да два потрёпанных билета. На концерт.
Ещё есть неотправленный конверт,
Письмо, что было в нём, порвал я в клочья.
Со мной – мой десяток грустных строчек,
Да добрый пёс – природный интроверт.

Меня встречает женщина одна

Меня встречает женщина одна,
Предчувствиями странными полна.
Концы роскошной шали теребя,
Переживает что-то про себя.
О чём-то о своём она молчит,
Полынью поцелуй её горчит.
И взгляд скользит куда-то вдоль окна...
Мы с нею вместе, но она одна.
Одна в нелепом городе чужом,
Её виски охвачены огнём,
Румянец на щеках её горит,
В гортани – сухо. Трудно говорить.
Но хочет что-то мне она сказать,
Слова она пытается связать,
Но рвётся эта непростая нить...
Как? Почему?
Кого за то винить?
Возможно, в этом есть моя вина,
И мне её не вычерпать до дна –
И не испытть летящих рук укор,
И не сломить мятущийся отпор.
За что же мне судьба жестоко мстит?
Кого за это мне благодарить?
Возможно ту, что так была мила,
Случалось, за собой меня вела.
Дарила что-то, а потом ушла,
Ушла и это что-то унесла.
Я это что-то захотел вернуть.
Перехитрить, придумать, обмануть...
Кого? Да получается – себя...
Увы, ушли пустыми поезда.
Ушли года, как талая вода.
И в ночь уходит женщина одна.

Мне кажется – несчастлива она

Мне кажется – несчастлива она.
Взгляд бирюзовый говорит об этом,
Случилось видно что-то прошлым летом.
И вот с тех пор одна – совсем одна.
Бокал сухого терпкого вина
И белый мрамор – в них так много солнца...
Она себе ни в чём не признаётся,
Но точно знает в чём её вина.
Вот почему она с тех пор одна.
В барашках белых синяя волна,
В прах рассыпалась перед парашетом...
Смеялись, вспоминали то и это,
Себе твердила – нет, ты не должна!
Но это всё случилось прошлым летом.
И вот с тех пор – одна,
Совсем одна.
Хватило, слава Богу, ей ума
Встать и уйти к себе перед рассветом,
А утром быстро съездить за билетом,
И вот с тех пор одна, совсем одна.
Что дальше?
Дел привычных кутерьма –
Грибы солила, резала капусту,
Но было это всё ужасно тускло.
И чарку «беленькой» с утра пила до дна.
Ну, вот и всё, такие вот дела.

Её любви должно хватать на всех

Её любви должно хватать на всех:
На деточек, на матушку, на мужа.
А муж – он пьёт,
Он был в Чечне контужен.
Порой ей кажется,
Что он ей также нужен,
Как почерневший прошлогодний снег.
Но стон свекрови,
Яркий детский смех
Её опять на землю возвращают –
Она всех понимает, всех прощает,
А по ночам замаливает грех.
А грех-то в чём?
Она, бывает, ропщет.
И хочет встать, всё бросить и уйти.
Но только тихий
Еле слышный шёпот
Становится преградой на пути.

От счастья

Та женщина давно с ума сошла
И всё, что захотела, то — забыла.
Она в своём безумии нашла,
Всё то, что раньше страстно так любила.
Фата ей очень даже подошла,
Свекровь с ней обходилась очень мило,
А ночью всё кипело и бурлило
И утром нега дивная сошла.
Затем она приданое сочла,
Его богатство очень удивило —
Верёвка, рядом с ней кусочек мыла.
Взяла всё это — вдоль стены пошла.
От счастья, говорят, с ума сошла.

Ночь-воровка

Ночь-воровка нас бросила в бездну
Наши души смешав и тела.
Все вокруг растворилось, исчезло.
Серый пепел – немая зола.
Но едва зацепился за крышу
Луч – посланник грядущего дня,
От тебя я впервые услышал:
«Всё ты врёшь, ты не любишь меня».

День был ярким, томительным, жарким,
Изумрудно блестела трава.
Мы гуляли в реликтовом парке,
Ты твердила: «Права я, права...»
Дни тянулись, а годы мелькали...
И желанием страстным маня,
Губы милой как прежде шептали:
«Всё ты врёшь, ты не любишь меня».

Чередую восторг и усталость
Суждено нам по жизни идти.
И осталась лишь самая малость –
Старость – грустный отрезок пути.
Нам в затылки натружено дышит
Торжество ледяного огня.
Ну а я? Я по-прежнему слышу:
«Всё ты врёшь – ты не любишь меня».

Ваше сиятельство

Ваше сиятельство, милая пани,
Ночь за окном воет зверем стреноженным.
Глухо звенит кандалами, штыками...
Милая пани, чем вы встревожены?
Сани несутся - тугие, упругие,
У седоков отрешённые лица
Лошади в мыле. Храпят под подпругами.
Что вы, графиня?
Что Вам не спится?
Вам померещилось:
В зареве душном
Рубятся всадники, рушатся коники,
Холод безмолвия выстудил душу,
Ногти вонзились в эмаль подоконника.
Нужно ли Вам это, нежная пани?
Темень пронизывать взором отчаянным.
Вам вечера коротать бы с гостями
За разговорами, бриджем и чаем...
Выживет в сечи, выпадет каторга —
Так уж судьбой для него уготовано —
Жизнь свою вёрстами мерять этапными
Да заслужить лишь забвенье потомков...
Ваше сиятельство...
Не отвечает, шубу накинув на девичьи плечи,
Не повернув головы на прощанье
Сходит с крыльца.
И берёт её Вечность.
Время течёт над местами острожными,
Но не сминаемое веками:
«Ваше сиятельство, чем вы встревожены,
Чем вы встревожены, милая пани?»

Предчувствие

Скрипело, двигалось, визжало,
Как товарняк стучали дни.
Все пребывало и крепчало
Предчувствие большой беды.
Предощущение утраты,
Смятение знакомых лиц.
И жалость – жалкою заплатой
Казалась.
Крик протяжный птиц...
Тропинок белое смятенье,
Окно, подёрнутое льдом.
Предвосхищало удивленье
И упоение стыдом...
Но вдруг, как стрелка
В чёрном круге,
Как белый выстрел в темноте.
Ты, с бешеным весельем вьюги
В один из дней явилась мне.
О, дивный миг звездовращения,
Пересечения миров.
Надежд несбыточных свершенье
И помрачения умов...
Но вот – всё скомкано и смято.
И стынут на снегу следы
Предощущение утраты,
Предчувствие большой беды.

За женщиной вхожу в осенний сад...

За женщиной вхожу в осенний сад,
Играет лист прощальной позолотой.

На плечи апельсиновым налётом

Ложится облетающий закат.

У женщины неторопливый взгляд,

Но сквозь его янтарную дремоту

Желание падения и взлёта

Сквозит как сто и двести лет назад...

Греховных яблонь вещей аромат,

Безумство, искуплённое смиреньем.

И женские колени как ступени...

Ступени в рай

Или ступени в ад.

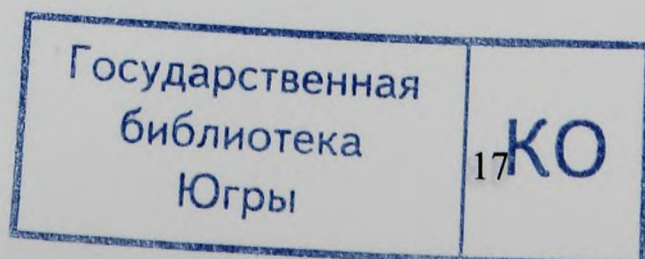
Мы будто в ожидании беды,

Над нами горький призрак отречения,

Но по округлым пламенным ступеням

Вхожу в осенний сад твоей судьбы.

- 0201556 -

*Вольный перевод с татарского.
(Из Булата Сулейманова).*

* * *

Ветер сшил для поля саван,
Горький саван расставанья.
Дождь в окно моё стучится,
На дорогах - хохот бури.
Ты, которая и солнцем для меня была
И летом.
Ты ушла,
Так покидают птицы — лес
Листва — деревья.
Ты ушла —
Переломились крылья пламенного сердца.
Не догнать теперь тебя мне,
Тяжела дорога к лету.
Видно зимовать придётся
С одиночеством и болью.
Лёд твоих следов остывших
Я душою соскребаю.
Хоть для этого пригодны
Мои сломанные крылья.
Ветер сшил для поля саван —
Горький саван расставанья.

Час жестокий...

Эта женщина, друг, не про нас,
Этих губ колдовское веселье.
Этих рук и объятий похмелье
И змеиная преданность глаз.
Она выдаст тебя и продаст
К колпачку приторочив бубенчик—
Это нам за покинутых женщин,
Что любили без памяти нас.
Мы рубили с плеча — нипочём
Были нам их немые укоры.
А они исчезали покорно,
Уносимые вешним лучом.
Час жестокий, но праведный час.
Так по-крупному сводятся счёты.
А удача — бесстыжая сводня —
Улизнула, ехидно смеясь.

Любить тебя...

Любить тебя – Господь не приведи...

Уж лучше на унылые галеры.

Весло и цепи не лишают веры

И даль морскую видишь впереди.

Забыть тебя – Господь не приведи,

Уж лучше на унылые галеры.

Весло и цепи не лишают веры.

И даль морскую видишь впереди.

Я не могу разгадать

Я не могу разгадать
Этот извечный секрет:
Где твоё «да» — это «да».
Где твоё «нет» — это «нет».
Вот плену разорвал,
Как простыню рассвет...
О, я вчера угадал
«Да» в неприступном «нет»!
Нынче ты в дождь ушла,
Сумрак в моём окне.
Это в покорном «да»
Зрело стальное «нет».
Тонкий стальной клинок
Рвёт паутины бред,
Ржаво скрипит замок —
Слово сложилось «нет».
И никакие дары,
И никакая мольба
Не превратят, увы,
«Нет» в желанное «да».
Но если ждать и терпеть,
И коль милосердна судьба.
То снова в решительном «Нет!»
Услышишь желанное «Да!».

Продаются щенки Королевского дога

Продаются щенки Королевского дога,
Продаётся до мая распутная няня.
До весны у медведя сдаётся берлога,
То – любимые в ссоре
И дружат домами.
Вечерами – застолье,
А утром – похмелье,
Где щенки Королевского дога
Да няни –
Ядовитой слюною сочится веселье.
То – любимые в ссоре
И дружат домами.
Ничего нет глупей
Несуразности этой.
Будто сердцем играют
На теннисном корте.
Будто ласки любимой
На вешнем рассвете.
Сургучом запечатать
Решили в реторте...
Нет пророка в Отечестве –
Мало кто знает,
Как же выпасть из этого мерзкого круга.
Как быть чистым пред совестью,
И пред женщиной.
Как быть честным с любимой,
Быть искренним с другом.
Поневоле завоешь
И вспомнишь дуэли...
Как же просто решались
Подобные драмы.
А пока – неприкаянно кружат метели,
То любимые в ссоре
И дружат домами.

Родина

О, эта влюблённость во благо
Деревьям, дождю и мечте.
Безумная дремлет отвага
В опущенной правой руке.
Ты дремлешь,
А кольца льняные
Кольчугой ложатся на грудь,
И завтра мои вороны
Продолжат свой тягостный путь.
И снова бессильны проклятья,
Дымится застойная степь.
Под тяжестью древних заклиний
Крошится чугунная цепь.
Под скрип колеса бестолково
Встают верстовые столбы.
На сизой дороге подковы –
Предвестники зла и беды.
Над степью – беспечный стервятник,
На солнце – седая черта.
И мрачно, как прошлые клятвы
С курганов глядят черепа.
Плетётся кибитка лениво,
Неведомо, что впереди.
Ты дремлешь, а кольца льняные.
Кольчугой легли на груди.

Ты представь себе...

Ты представь себе,
Что ты – халиф.
И тебя ласкает одалиска.
В розовом свеченье ног нагих
Гибнет всё, что дорого и близко.
Пеплом засыпает города
И песком заносит караваны.
Лишь она как дальняя звезда,
Блещет светом яростным и странным.
Будто плаха – танец живота,
И в небытие уходят страны.
Солнце поглощает темнота
Полная безумства и желаний.
Всё прощальным светом озарив,
Умирает стон на ноте низкой.
А ты представь себе, что ты – халиф!
И тебя ласкает одалиска.

Эти свадебные сани

Эти свадебные сани,
Две дорожки параллельно.
Я с любимой –
Ветер с нами,
Щёки милые алеют.
У моей любимой ножки
В шубу кутаны соболью –
Мчатся свадебные сани
В чистом поле,
В чистом поле.
У моей любимой очи,
Будто кто светёлку вымыл,
Да зажжёт огонь небесный –
Переливами играют.
Никого на белом свете –
Только я да ветер вольный.
Да любимая со мною...
А очнусь – в окно стучится
Дождь осенний и холодный.
Госпитальная палата,
В занавесках серых окна.
Кто-то рядом тихо стонет,
Кто сквозь стоны шлёт проклятья...
Ну, а где-то, в чистом поле,
Сани свадебные катят.

Милая

Ты меня истомила, милая –
Ожидание, как погружение
В океан нашпигованный минами,
В зону жёсткого излучения.
Луч надежды, как луч радиации...
Шансы тают с каждой минутой.
Происходит супермутация
Светлых чувств в возжелания мутные.
Утро дивное дышит солнечно,
Тёплый ветер ласкает спину,
Высоко вокруг и безоблачно...
Приходи же, иначе – сгину.
Затеряюсь, задавленный милями.
Как губительны расстояния.
Ты меня истомила, милая,
Безысходностью расставания.
Словно рушится дом хрустальный,
Отраженный мир – зазеркалье.
Лишь осколки воспоминаний
Да мучительное ожидание.

Клятвы

Клятвы, данные в постели,
Грош цена вам на рассвете,
Вы корёжитесь от солнца,
Словно мартовские льдинки.
Клятвы, данные в постели
Грош цена вам в понедельник,
Словно рыбе, что осталась
От воскресного базара.
«Вся твоя, до сухожилья,
До кровиночки последней» —
Причитание торговли
Над испорченным товаром.
Клятвы, данные в постели
Грош цена вам на рассвете.
Только что бывает крепче
Этой клятвы страстной ночью?

Я вернусь...

Я вернусь,
Прилечу посредине суровой жестокой зимы.
Будет стыть подо льдом
Речка дивная с именем Ивдель.
Будут что-то ворчать о любви
Кедрачи-молчуны...
И ты выйдешь,
Встречать поутру меня выйдешь.
Будет стать твоя литься,
Как воск в серебре.
Будет простынь белее
Январского снега.
Будет в доме покой,
Будет хлеб на столе.
И зарёй золотой расплескается нега.
Утону, пропаду в мятных кольцах льняных.
Задохнусь от негромкого первого стога.
Будет день бесконечен,
А вечер печален и тих.
И от счастья всплакнёт
На иконе мадонна.
Ты лампаду засветишь – пройдёшь босиком.
По дубовым доскам пробегут твои ноги.
Встанет солнце
И я не уйду с рюкзаком
По заснеженной и бесконечной дороге.

Люди любят ночами...

Люди любят ночами,
Днём живут мелочами.
День обычно у них начинается
С чая.

Люди любят ночами,
Днём же люди скучают.
День обычно у них
Продолжается щами.

Их разбудят ночами
Вековые печали.

Вечерами же люди
Предаются отчаянью...

День прошёл, не вернёшь...

Он уже за плечами.

Люди любят ночами.

В таверне – сизый смог

В таверне – сизый смог,

В таверне – все пьяны.

Кабатчица Асоль

Проезжих веселит.

От розовой мечты,

От алых парусов,

Остался пьяный принц,

Да этот кабачок.

Следы немых рук,

Следы бесстыжих глаз.

Да полуночный стук –

Подъехал тарантас.

Иди, встречай гостей.

Готовь еду с вином.

А муженек – в постель.

Лежит – бревно бревном.

Непрошено подчас

Срывается слеза...

Ах, если б юность знала,

Ах, если б юность зна...

Разб Послесловие

Победный рог уж не трубит.
Года в него набьют песок.
Печальный рыцарь пулей сбит,
Как камнем с дерева листок.
На живодёрне Россинант.
Вчистую спился Санчо Пансо
И на потеху чужестранцам
Поёт подобье серенад.
Вчера, который день подряд,
Я пил в таверне, не пьянея —
На грязной сцене
Дульцинея
С себя снимала,
Не краснея,
Косынку, платье —
Всё подряд.

Душа мятежная моя

Душа мятежная моя
Металась, словно зверь в неволе.
Душе хотелось в чисто поле,
Где б на сто вёрст метель мела.
Переметая все пути,
Круша надежды на спасенье.
На кров, тепло.
На возвращенье.
В мир бестолковой суеты...
Чтобы по-волчьи,
Стиснув пасть,
След в след, за вожаком ступая,
Считаться не последним в стае —
Суметь напасть и не пропасть,
И чтоб судьбы кровавый снег,
В его безумном совершенстве,
Напоминал бы о блаженстве
Былых отчаянных утех...
Но ты неслышно подошла,
Легонько лба рукой коснулась,
И всё во мне перевернулось.
Пришёл покой,
Печаль ушла.
И стал прозрачным горизонт.
И обитаемым стал остров.
И на заброшенном погосте
Зазеленел угрюмый склон.

Разбивалась пурга о бетонные стены

Разбивалась пурга о бетонные стены,
О железные, плотно закрытые двери.
Задыхалась, со злобною пеною белой
Уползала и выла израненным зверем.
Воцарялась вселенская снежная слякоть,
Всё на свете теряло свою изначальность.
Закрывалась душа,
И уставшие плакать, упивались окрестности
Скорбной печалью...
И в несущемся ропоте шири безбрежной
Всё казалось подёрнуто мраком и тленом.
В бесприютно-пустынной и нищей вселенной
Только ты оставалась последней надеждой.
Приходила – легка, с серебристой усмешкой.
Согревала озябшую душу в ладонях.
Становилось светло, и полоскою нежной
Занималась заря на крутом небосклоне.

Другая повесть

Нет, не будет «как в кино» —
Здесь совсем другая повесть.
Вот и твой отходит поезд.
Мой ушёл уже давно.
Домом стал моим вокзал —
Приезжаю, уезжаю.
От себя ли убегая,
От тебя ли убежал?
Как не кинь — судьба одна:
Я остался на перроне,
Ты сидишь в своём вагоне
У немытого окна.
Но печаль моя мудра —
Впереди иные встречи.
Руки, волосы и плечи.
Разговоры до утра.
Побежит из-под колёс
Молодой, упругий зимник,
Будет небо светло-синим.
И хрустальным плач берёз.
И однажды, что тужить,
У костра, в застолье тесном,
Ты ко мне вернёшься песней —
В ней всё просто и чудесно,
В ней всё искренно и честно.
И другому эту песню
Не дано, увы, сложить.

Где-то, за синими далями

Где-то, за синими далями
Фея живёт молодая.
Стройная, голубоглазая
Сказки мне всё рассказывала.
Было за окнами вьюжно
И завывали метели,
Сидел я и сказки слушал,
Жарко дрова горели.
Нам и тепло и уютно.
Пахнет смолой и хвоей.
Она мне сказала:
«Нужно, что б ты был всегда со мною».
Я сказочница, а сказки —
Они просты и наивны.
Хочу, чтобы ты остался
Единственный мой, любимый.
И стали доверчивы ласки,
Лишь феи так доверяют,
Прекрасною нежною сказкой
Кружилось её воркованье.
Но кончилась непогода,
В камине дрова догорели.
Я стал собираться в дорогу,
Прощаясь с прекрасной Феей.
В ответ я слышал только
Тяжёлые тихие вздохи.
Я понял, что сказка кончилась.
И кончилась сказка плохо.

Привальная песня

В жизни всё изначально—
И рождение, и смерть.
Зимний свет величальный
И венчальный рассвет.
И моя лебединая женщина
Стала первой любовью моей.
Мне не надо другой —
Видно эта судьбой мне обещана
Мне от этой своей
И теплей, и светлей.
Слава — вещь быстротечная,
Как хорошая весть.
Но живут в бесконечности
Только верность и честь.
И последняя пуля в нагане
Стала первою пулей моей.
Мне не надо другой —
Видно эта судьбой мне обещана.
Мне от этой своей
И теплей, и светлей.
В этой жизни случайны
И рождение, и смерть.
Зимний свет величальный.
И венчальный рассвет.
С нами всё то, что пройдено.
Мы в пути до конца своих дней,
Но одна у нас Родина.
С нею нам и светлей и теплей.

Плач

Над рекой,
На крутояре,
Одинокая берёза.
По весне, на этом месте
Слышно пение капли.
Под берёзой – холм могильный,
Каска с красною звездою.
И лишь только пригревает
В полдень мартовское солнце,
Как жена о павшем муже
Плачет старая берёза.
Той, военною порою,
Здесь на этом крутояре
Насмерть полк стол стрелковый,
И невестушкой своею
Звал берёзу парень русский.
Но зазубренный осколок
От фашистского снаряда
Грудь его пробил навывлет,
И застрял в стволе белёсом.
Так они и повенчались...
Смертью, вражеским осколком
Их судьба соединила.
И, как только пригревает
В полдень мартовское солнце,
Как жена о павшем муже
Плачет старая берёза.

А я по-прежнему несносен

Три ночи вьюга бушевала,
Снега отчаянно мели,
А утро белым покрывалом
Укрыло все грехи мои.
Я, будто заново рождённый,
Ступаю в первый робкий снег,
Ловлю среди оков студёных
Луча серебряного бег.
Он лёгок, молод и беспечен.
Играет, в соснах заплутав,
Сквозь бесконечность,
В бесконечность
Спешит он, цепи разорвав.
А я по-прежнему несносен
Иду к тебе, как в первый раз.
И чуть дыша,
Целую просинь
Твоих больших усталых глаз.

Очи твои продрогшие

Я вернулся к тебе заросший,
Опьянённый осенней прелью,
Подарить тебе хочется рощи,
Их пурпурное уединение.
Их нетленное вечное золото,
То, что сыпется прямо под ноги,
И смиренность манящего зова
Одинокой лесной дороги.
Симпатичные лица сучьев,
Серебристые нити солнца
И желанье губами слушать
Как с землею тепло расстаётся.
Я вернулся к тебе заросший,
Как бродяга после скитаний.
Чтобы очи твои продрогшие
Согревались моим дыханьем.

Имя Римма

Имя Римма

В этом имени что-то

От древнего Рима,

От Ромула и Рэма

И от волчицы.

Это имя звездою

Молчит и лучится.

Имя Римма

В этом имени что-то

От вечного Рима,

В этом имени что-то

От зияющей вечности.

А девчонка, любимая,

Так бесконечно ранима.

В недоверчивый век

Так отважно доверчива.

Ностальгия

Весною, как и год назад,
Жена схватила ностальгию.
И стал печальным и унылым
Её большой и серый взгляд
Весною, как и год назад.
Подобно перелётным птицам,
Мы все отчаянно стремимся
Войтив в отцовский дом и сад.
Весной аэропорт Сургут,
Чернея от недосыпанья,
Худел, как всякий северянин
И был озлоблен и угрюм.
Он ждал тепла,
Хотел покоя.
И, кажется, страдал запоем.

А наш прораб – на вид мальчишка,
Ордой командовал стальной.
С утра он долго ждало тна
Из кружки воду ледяную... * * *
Копил волос его седую
Жестокость в нем и нежность
Опыт прораба не обманывал
Знакомый запах бензина и машин
Как нервно ждала его жена
Носами тракторы угадывая
В гигантский, ледяной сугроб.
Сбывалось всё, о чём вчера
Мы даже говорить боялись,
Над чем отчаянно смеялись
Пом у вечернего костра.

Ни повсталая лань «КАМАЗ»,
Путь, ослепшая брызгами светом.

* * *

Я пёс у Ваших ног.

Нет!

Шкура пса.

* * *

Опять разжалован в пажи,

Опять прощён, но не обласкан.

За то, что дивной зимней сказкой.

Мне показалась эта жизнь.

В ту ночь

В ту ночь, мы не смыкая глаз,
Курили, спорили, ругались.
Мы пили крепкий чай,
И нас
Псы мохноногие боялись.
Они, прищуривая глаз,
С ворчанием
Глухим и злобным,
В упор рассматривали нас,
Горел костёр среди сугробов.

Мы вспоминали, как вчера
Под крики громкие «Ура»,
Чуть приподнявшись над землей
Плыла, подрагивая, вышка,
А наш прораб – на вид мальчишка,
Ордой командовал стальной.
С утра он долго жадно пил
Из кружки воду ледяную –
Копну волос его седую
Жестокий ветер не щадил.

Затем прошла команда «Стоп»!
Как нервы тросы натянулись,
Носами тракторы уткнулись
В гигантский, ледяной сугроб.
Сбывалось всё, о чём вчера
Мы даже говорить боялись,
Над чем отчаянно смеялись
Псы у вечернего костра.

Но показался наш «КАМАЗ»,
Путь, освещаая ближним светом.

И стало ясно, что к рассвету
В посёлок он доставит нас.
В башке была белиберда,
Мы были без хмельного пьяны.
А на рассвете – телеграмма.
И текст, как выстрел от бедра:
«Болею и скучаю –
Мама».

Эта бойкая девчонка

Эта бойкая девчонка
Под короткою юбчонкой,
Из-под майки – сок.
Косо стриженная чёлка,
То ли ангел, то ли тёлка –
Взгляд наискосок.
Зайчик солнечный на стенке
Эти круглые коленки,
Глаз не оторвать.
День к исходу
И лавчонку,
Где работает девчонка,
Нужно закрывать.

Золотится слеза на стекле

Заполняет бутылки ткемали,
Золотится слеза на стекле.
Вы тогда мне о чём-то шептали,
Вы слегка были навеселе.
Вы твердили, что годы уходят,
Что удача прошла стороной,
А потом, повинуясь природе,
Я пошёл провожать вас домой.
Был тот вечер и пряным, и
Дерзким,
Лился нежный тугой аромат.
Вот калитка захлопнулась
Резко,
Вот под нами ступени
Скрипят.
Песня старая панцирной сетки,
Всхлипы, стоны,
Да лай за окном.
И налитые тяжестью ветви
Без надежды
Стучаться в стекло.
Что там дальше – припомню едва ли...
Только изредка вижу во сне.
Заполняет бутылки ткемали,
Золотится слеза на стекле.

Бабье лето

Подоспели тепло и грибы,
Бабье лето в реке
молодится.
То ли вдовушка,
То ли девица—
Попробуйся, поди разбери.
Ты рискни, ты попробуй
Узнай
Где заветное зелье
Хранится,
Что всегда подсыпают
Жар-птицы
В полуночный малиновый чай.
Лист малины
Да зелья щепоть,
Что всегда за божницей
хранится.
Дело к ночи
И речь молодницы
Мёдом огненным
Вязко течёт.

Я хотел бы...

Я хотел бы тебя лепить...
По субботам ходили бы в баню,
А по осени – за грибами.
Немудрёная жизни нить.
Ночью стал бы тебя любить,
Вся распаренная, нагая,
Ребра мне сжимая ногами,
Ты б мою усмиряла прыть.
Я потом бы не смог говорить...
Тяжело поднимая веки
Бормотал, что я твой навеки
И в истоме просил бы пить.
Но земная теряется нить,
И за вечной невидимой прялкой
Уж иная сидит весталка
И о чём-то своём твердит.
Не о том она говорит.
И, отлично всё понимая,
Я киваю и ей внимаю,
А нутро всё огнём горит.
Месяц косо глядит в окно,
Ровным всё заливая светом,
Бабье лето уходит в Лету,
Но теперь уже всё равно.
И стараюсь я всё забыть,
А в углу засыхает глина.
О, мечты и надежды благие,
Вам недолго осталось жить.
Я хотел бы тебя лепить.

В. Она сочиняет рассказ

В. Она сочиняет рассказ,
А Как море волнуется – раз.
Я И волны, как девичья грудь,
Ч. Вздываясь, мешают уснуть.
Ч. Она подбирает слова,
С. Как море волнуется – два.
А И как накрывает прибой – с головой,
А. Когда он уходит к другой.
П. А море волнуется – три.
И. Фигура на месте замри.
В. Седая дрожит голова,
В. Но всё не приходят слова.
К. Нехитрый вальсок:
«Раз, два, три...»
Безмолвие,
Чёрный гранит.
Да золотом жарким –
Слова.
Их ночью метель намела.

При каждой нашей ссоре

Я снова сплю не с той,
Кого люблю.
Я сплю с обычной женщиной,
Земною.
Она, по свету странствуя со мною,
Привычно делит стужу и жару.
Она мне — как звезда
В бескрайнем море.
Она мне —
словно парус кораблю.
Но всякий раз,
При каждой нашей ссоре.
Я повторяю :
«Вот какое горе!
Я снова сплю не с той
кого люблю!»

Не о том она говорит, молоток
И, стально всё пронизав, —
Я знаю, наждачком оварю
А утро всё огнём горит.
Месня восс гадит в окно,
Ровным всё залитая светом,
Бабы лето уходят в Асту,
Но теперь уже всё равно.
И стучится в всё зыбнуть,
А в улу засыхает глина.
О, мечты и накладки благие,
Вам немало осталось жить.
Я хотел бы тебя лепить.

Вы снова замужем

Вы снова замужем и счастливы,
А я женат, в который раз.
Я вам готов твердить участливо,
Что муж ваш – редкий ловелас.
Что всё подвержено вращению,
Счастливых дней – наперечёт,
А вашим дерзким прегрешениям
Давним-давно
Потерян счёт.
И с каждым разом Вам, прелестница,
Всё тяжелей и тяжелей
Взбегать по бесконечной лестнице
К вершинам пламенных страстей.

В отпуске

Я отпуск свой страстно люблю
У тихой речушки Непрядва.
Здесь дети и женщина – рядом.
И прялка бормочет в углу.
С утра – бутерброды и чай,
Щи, тефтели, каша к обеду.
А к вечеру – книги, беседы.
Живи, да не очень скучай.
Заводит рулады сверчок,
Вот кошка вчера окотилась,
Ну, чем же, скажите на милость,
Ни вечный, уютный шесток.
Но минет так день или два –
И ляжет на сердце тревога,
И дальняя станет дорога
Милее родного угла.
Скорее в застывший балок –
К тушенке и грязным матрасам,
Туда, где полярная трасса
Замеряет твой потолок.
Туда, где на стыках трубы
Швы полнятся стынувшей синью,
А ты прикипаешь к России,
Иной не приемля судьбы.
Всё будет – наград круговерть,
Где к месту, а где и не к месту.
И славою будут греметь
Литавры парадных оркестров.
Но путь свой итожа крутой,
Как высшую примешь награду,
Тот домик над тихой рекой,
Где дети и женщина рядом.
Где буйствует вечный сверчок
И кошка вчера окотилась.
А счастье там в щель закатилось,
Как стёртый седой пяточок.

По грибы

1

Стихи писать, что грибы собирать.
Вот строчка нарядная, как сыроежка,
Вот слюнявая и скользкая, как масленок,
А вот гордая и ядовитая,
Как мухомор.
А вот упругая, мощная и душистая —
В ней достоинство и благородство
Белого гриба.

2.

Флиртовать с женщинами,
Как грибы собирать.
Одна — доступная и нарядная,
Как сыроежка.
Её и готовить особо не надо.
Другая — слюнявая и скользкая,
Как масленок.
А вот — упругая и душистая.
В ней все достоинства белого гриба.
Такие и встречаются-то, может быть,
Один раз в жизни.

3.

Получается интересное выражение:
Стихи = грибы, грибы = женщины.
Его можно упростить:
Стихи = женщины.
При упрощении получилась банальность.
А не надо упрощать.
И тогда получается интересный ряд:
Стихи — грибы — женщины.
И то, и другое, и третье вначале собираешь,
Затем жарешь, солишь, маринуешь, сушишь.
Нанизываешь на суровую нить.
Эта нить — твоя судьба, твоя жизнь

Как долго мы с тобой живём?

Как долго мы с тобой живём?
День, а возможно, век?
Мы коротаем ночь вдвоём,
Мой нежный человек.
Люблю я на тебя смотреть
Когда ты сладко спишь —
Цикады начинают петь,
Пронзив ночную тишь.
Беспечно плещется волна
О вековой валун.
А ночь свежа и молода,
А месяц пьян и юн.
Он бросил
Еле видный след
На тусклую волну—
Вот так ложится первый снег
На стылую стерню.
Я тороплюсь тебя обнять,
Укрыть и обогреть.
Но всех мгновений не собрать.
За всеми не успеть.
Чуть зазевался,
Холодок
Меж нами властно лёг,
Наш милый тёплый огонёк
Зачах и занемог.
И дней тяжёлых кандалы
Запястья наши трут,
А прозевали мы всего
Лишь несколько минут.
Так нужно ли тогда считать,
Мой нежный человек,

Живём мы год, а может два,
А может целый век?
Мгновеньем надо дорожить,
В нём спрятаны века.
И пусть слеза не задрожит
У милой на щеках.
И будет лёгким долгий путь
Секунд беззвучен бег.
Люблю я на тебя смотреть,
Мой нежный человек.

Бес в ребро

Бес рогами бьёт в ребро,
Заставляет встрепенуться,
Воровато оглянуться
И в чужое лезть окно.
Отчего же «бес в ребро»?
Если страсти отторели
И уже давным-давно
Ты не слушал трель свирели.
Отчего тебя, да вдруг
Перед утром кто-то будит—
Ты не видишь этих рук,
Не поймёшь — что дальше будет?
То срываешься в запой,
Начинаешь лгать без меры,
Саблезубые химеры
Разрывают твой покой.
Всё, чем раньше дорожил,
Заливаешь краской чёрной.
Пьёшь из рук чужих покорно,
Бродишь средь чужих могил.
Но надежды слабой тень
Вдруг пронзит тоски завесу.
Вот моя проснётся лень
И рога сломает бесу.

* * *

Ты попросишь, и Бог простит
Много мелких моих грехов.
На галерах мне срок скостит,
И подарит пяток стихов.
Он сквозь пальцы посмотрит на
Всю мою непутёвую жизнь —
Мне он скажет, что жизнь одна,
Так что, парень, давай, держись.
Есть, за что себя упрекнуть.
То, что должен был — не свершил.
И неверный ты выбрал путь.
Много пил
И, увы, грешил.
А друзьями ты называл
Ну, уж точно, не тех, не тех,
Как бездарно ты промотал
Свой талант, разбазарил смех.
Чашу горькую пью до дна —
Поделом же мне, поделом.
Набежит речная волна
И ударит Харон веслом.
Как сквозь сито жизнь протекла,
Не сыскать золотых шлихов.
Что осталось? Моя вина.
Да пяток неплохих стихов.

Танцует девочка...

Танцует девочка стриптиз
Студентка и стипендиатка.
Бармены и официантки
На танец смотрят сверху вниз.
Каприз, не больше чем каприз —
Не ясно, и зачем ей это.
Могла бы этим жарким летом
Ловить морской прохладный бриз.
Так нет же —
Сцена, луч и шест
И терпкий шелест «баксов» в плавках.
Всё норовит её облапить
Тот, кто её глазами ест.
Пары спиртного, пот ручьём
И стойкий перегар парфюма.
В добротных фирменных костюмах
Сюда сбежалось мужичьё.
Но обнаженная, как свет,
С презрением царицы Савской,
Она швыряет пируэт
В тех, кто пришёл глазеть и чавкать.
И у шеста, и у стены
Она пространство в прах разносит—
Везде видны следы беды,
Её вчера любимый бросил.
Под улюлюканье и свист,
Отбросив ложный стыд, позёрство,
Танцует девочка стриптиз,
Вступив с судьбой в единоборство.

Люська

Люська любит бани, снег

И на двух червях блефует.

В казино она танцует до утра –

Большой успех.

Все заезжие хачи

Говорят ей нежно:

«Пери».

Между окнами и дверью

Мама мечется в ночи.

На малой Родине

Мне б остаться в этой тишине,
Хорошенько, вволю, отоспаться.
Сон увидеть, в том заветном сне
Мне едва ли будет восемнадцать.
Я ещё не знаю ни шиша,
С нею мы вторые сутки вместе.
А она чертовски хороша
Из породы редкой рыжих бестий.
Я пытаюсь что-то говорить,
Что-то предлагать я ей пытаюсь.
У неё в глазах огонь горит,
А в кудряшках солнце расплескалось.
А она всё смотрит и молчит,
Ей известно всё, что дальше будет —
Этот, что так много говорит,
Всё пообещает и забудет.
Это всё потом, а вот сейчас...
Как он мил, желаньем преисполнен.
Станет он твоим в заветный час,
Этот час всю жизнь ты будешь помнить.
В том моём прекрасно дерзком сне
Всё за нас двоих она решила.
С нею мы на медленном огне
Жертвоприношение совершили...
Только здесь, в родимой стороне,
В сны мои хозяйкой ты заходишь.
Посидишь в звенящей тишине—
Ни слезы, ни слова не уронишь.
Да и сам я знаю — виноват...
Нет мне ни прощенья, ни участия.
Просто много лет тому назад
Я не знал, что был я просто счастлив.

Вхожу в осенний сад твоей судьбы

Рябины гроздья крупные горят,
Так остро ощущается предзимье.
И делается хрупким и ранимым
Твоих больших очей хрустальный взгляд.
Дорожки здесь о многом говорят —
Сюда ходило счастье, тут — несчастье,
А здесь гуляло дикое ненастье
Сегодня, как и много лет назад.
На яблонях ещё плоды висят,
Убрать их до морозов не успели.
Ещё чуть-чуть — накроют их метели,
Исчезнет еле слышный аромат.
Мы попрощаемся у входа в этот сад,
Нам вместе быть осталось так немного.
У каждого из нас своя дорога,
Так было сто и двести лет назад.
Смотрю вперёд, чтоб не смотреть назад.
Там впереди — вселенский мрак и холод.
О, как же я беспечен был и молод
Когда вошёл к тебе
В осенний сад.

На В краткий миг забытья

В краткий миг забытья
Мне привиделся сон золотой:
Буд-то где-то есть мир
Где мы счастливы будем с тобой.
Будет биться о берег
Весёлый прибой молодой,
Ты разбудишь меня
И умоешь лучистой росой.
А пока на столе
Прикорнули чужие ключи –
Нас с тобой приютила
Подружки весёлой квартира.
И сказала ты мне:
«Знаешь, лучше пока помолчим,
Очень уж далеко
До заветного светлого мира».
Наша доля пока –
Этот временный тихий приют –
Наша радость
И наша спокойная пристань.
Здесь читают стихи,
Здесь любимые песни поют.
Чайник здесь закипает
С весёлым и радостным свистом.
Это здесь нам открылась
Легенда о сне золотом:
Буд-то есть где-то мир,
Где мы счастливы будем с тобой.
И его мы найдём,
А что будет потом?
А потом – я умоюсь водой,
Что повсюду зовётся святой.

А наши дети там вырастут
С доброй открытой душой –
Ты любить их научишь,
Научишь их верить и видеть.
И подаришь нам всем
Тот великий душевный покой,
Что позволит творить
И ничем никого не обидеть.
Знаю, всё это есть
И всё это должны мы найти.
Всю страну обойти,
Если надо исползть пол мира.
А пока – на столе
Прикорнули чужие ключи.
Нас с тобой приютила
Подружки весёлой квартира.
А ночью мне из полумрака
Приснились андальские мшистые
И андалусийские жёлтые
Прованские стальные
Но как-то унылые
Мелькнет твой забытый
Тот, где ты
Моложе на тысячу лет,
А может на тысячу лет.

Ты станешь моложе

Ты станешь моложе на тысячу лет,
Я – старше на тысячу зим.
И твой, ненаписанный мною портрет,
Исчезнет в пещере Сим-Сим.
Его умыкнёт молодой Алладин
В недавнем – достойный феллах.
И скажет спокойно:
Увы, господин,
Но вы разминулись в веках.
Исчезнет надежды последней глоток,
Так гибнет израненный зверь.
Уже не раздастся желанный звонок,
Закрытой останется дверь.
Ты станешь на рынок
С корзиной ходить,
Прикрывши лицо паранджой.
Научишься плов и похлёбку варить,
Приличною станешь женой.
Но как-то – на выставке старых картин
Мелькнёт твой забытый портрет.
Тот, где ты
Моложе на тысячу зим,
А может на тысячу лет.

А хочешь...

«А хочешь, я брошу спасательный круг
И стану твоею судьбой?
И все, кто сейчас проживают вокруг,
Начнут восхищаться тобой –
Сантехник из ЖЭКа и пенсионер,
И наш хулиган заводной.
Ты дашь им надежду, покажешь пример.
Все станут гордиться тобой».
Но только тебе на меня наплевать.
И ночи, и дни ты в пивной.
Ты сам ничего не желаешь менять –
Доволен собой и судьбой.
Сантехник из ЖЭКа мне нагло дерзит,
Твоей называет вдовой,
А ночью мне из подворотни грозит
Ножом хулиган заводной.
И знаю я точно, любезный мой друг,
Но думать об этом боюсь,
Что если я твой не сломаю недуг,
Тогда и сама я сопьюсь.

Чернокалая сестра
В салатике белом,
Вечером салат
И сохнет. В углу
Чай попьёт и заколосит
Иногда, между делом.

Тут великий герой
Лейтенант отдался
Скрова глазами,
Возмущал всё,
Да дела намёкла.

Ты Я всё пытаюсь уловить

Ты Я всё пытаюсь уловить
Я — Одну связующую нить.
М — Ты что-то мне тогда сказала
И по рукам меня связала.
И — Затем связала по ногам —
И вот не здесь я и не там.
И — А где-то строго посередине:
У — То ли в пустыне, то ль на льдине.
Но — Пытаюсь я бежать, ползти.
И — Прощу: прости и отпусти.
Так — Я не могу дышать и плыть.
У — Крепка связующая нить.
Закатилась в море жемчужина
Ты ставишь на рысь мою тень
С морем мне не позволив расстаться
Примкнувши ладью к моему плечу
Научишь меня любить и жить
Приманишь стаю птиц ко мне
Но как-то чудно мне от счастья
Мелко шепчет твой забытый голос
Тот, где ты
Молчишь на тысячу лет,
А может на тысячу лет

Черкешенка Бэла

Здесь черкешенка Бэла
Кровь из вены берёт.
Медсестрой служит Бэла
В санатории местном.
Папа-князь вот уже
Девятнадцатый год.
Поутру на завод
Отправляется честно.
Брат её Азамат
Баснословно богат.
Он бандит и сидит —
Где сидит? Неизвестно.
Иногда он с оказией
Весточку шлёт.
Их читает и рвёт
Азамата невеста.

В руку Бэла исправно
Вонзает иглу —
Черноглазая серна
В халатике белом.
Вечерами сидит
И скучает. В углу
Чай попьёт и вздохнёт
Иногда, между делом.

Тут недавно один
Лейтенант отдыхал
Строил глазки,
Вздыхал всё,
Да делал намёки.

А ещё он приехать за ней
Обещал,
Но пропал в человеческом
Бурном потоке.

Ей цыганка гадала,
Цыганка не врёт.
Мол, её украдёт офицер,
Не из местных.
Бэла верит в судьбу,
Свято верит и ждёт.
Но дождётся ли, нет?
Никому не известно.

Если я не умру по дороге домой

Если я не умру по дороге домой,
Я, конечно, дойду до родного порога.
Мне бы только узнать, что порог этот –
Мой.
Это, в общем-то, всё,
А, по сути, не так уж и много.
Если я не умру по дороге домой,
Я останусь с одной
Из большого количества женщин.
Ошибиться нельзя, выбор делая свой,
Здесь играешь с судьбой.
Вот.
Ни больше, ни меньше.
Если я не умру, если всё же
Домой попаду,
Жить сначала начну –
Этот новый мой мир.
Бесконечен.
Буду поздно ложиться
И спокойно вставать поутру.
Буду честен, спокоен,
И, в общем-то, где-то беспечен.
И однажды, проснувшись,
Я пойму, что мне не зачеркнуть,
Со стола не смахнуть
Весь мой путь и мои бесконечные встречи.
Всё со мной,
Мне бы только понять как-нибудь,
Что же было случайным,
А что стало пропуском в вечность.
Буду хлеб свой ржаной
Запивать я парным молоком.

И меня привечать станут храмы
В молчании строгом.
Это будет,
Конечно же, будет,
Потом.
Если я не умру и дойду
До родного порога.

Была ты когда-то в восторге

Была ты когда-то в восторге
От виршей простых и наивных,
А я всё пытался поспорить
И звал восхищаться моими.
А ты повторяла упрямо,
С достоинством храмовой жрицы,
Что муза моя полигамна
И мол, под любого ложится.
Я полон был негодования,
Готов был о стены я биться.
Когда, прочитав лишь название,
Ты вниз опускала ресницы.
Твоё учащалось дыхание,
Себя же я чувствовал плохо,
Когда ты, присев на диване,
Читала нелепые строфы.
И автором вновь восхищалась,
Он что-то писал там про осень.
Во мне всё внутри раскалялось,
И я становился несносен.
Я делался желчным и дерзким,
Тебе выговаривал резко.
Кричал: графоман он безвестный,
И всё, что написано – мерзко.
Потом мы с тобой поженились,
А он стал великим поэтом
И споры у нас прекратились.
Вот так.
И довольно об этом.

Графиня

Я буду звать тебя «Графиня Калиостро»
Ты мне открыла формулу любви.
Вначале думал я, что это – остров.
А после оказалось – материк.
Вначале думал я: Всё это – просто.
Придёт любовь, лишь только позови.
Но вот волшебной ты
Взмахнула тростью
И стал совсем иным мой прежний мир.
Я потерял уверенность былую,
Стал кротким взор
И лоск былой пропал.
Не сплю, томлюсь,
Тоскую и ревную.
Как дальше жить?
Эх, кто бы подсказал.
Я стал себя вести как пёс безродный –
Пытаюсь угодить и услужить.
Я больше не могу дышать свободно –
Эх, кто бы подсказал, как дальше жить.
Да кто мне что подскажет?
Что расскажет?
Всё заново я должен открывать.
Твои вершины. Пропасти...
И даже, когда ложиться спать,
Когда вставать.
Открыть тебя я заново обязан –
Нет, я тебя обязан покорить.
К тому же я суровой клятвой связан.
Я должен жить,
Бороться и творить.
Но нет во мне ни гонора, ни злости,
И голос честолюбия затих.
Я знаю –
Ты взмахнёшь волшебной тростью
И будешь строить мир
Для нас двоих.

Как бы был твой убор благороден и строг

Как бы был твой убор благороден и строг,
Как бы был безупречен наряд,
Если б я бы посмел, а осмелившись — смог
Повернуть наше время назад.
Как бы пали на плечи твои кружева,
Белизна ускользала бы в синь
И рука улетала бы из рукава,
Обещая грехи отпустить.
Я бы многое в жизни сумел бы понять,
Также многое смог бы простить,
Но упрямое время не движется вспять
И его бесполезно просить.
Говорит, что не надо его умолять,
И не надо о прошлом грустить —
Нужно путь свой понять,
Нужно крест свой поднять,
И, взваливши на плечи, нести.
А когда переступишь последний порог,
Бросишь в прошлое немощный взгляд,
То увидишь, как был благороден и строг
Величальный венчальный наряд.

Жить больше незачем

Жить больше незачем
И нечего читать...
Плывут куда-то буквы,
Цифры, строки,
Но, как назло,
Являются пророки —
Уже их невозможно сосчитать
И всё они пытаются кричать,
Нам навязать свои стремятся сроки,
Хотят, чтоб за вакханок волооких
Мы перед ними стали отвечать.
На всё они поставили печать,
Все наши перечислили пороки,
А нам же остаётся лишь молчать
И сожалеть, что нечего читать,
И что плывут куда-то
Буквы, строки...
А как бы нам хотелось сосчитать:
А так ли точно выверены сроки?
Но только продолжаем мы скучать
И признаём мы лишь одну печать —
Взгляд огненный вакханки волоокой.

Вновь, как века тому назад

Вновь, как века тому назад,
У плотника жена рождает.
Его соседи осуждают —
Сам, дескать, старый виноват.
Зачем её привёл он в дом,
Зачем капризам потакает?
Зачем наряды покупает?
А дальше что? А что потом?
А плотнику и дела нет,
Молчит себе да доски стружит...
От ушлых кумушек досужих
Он охраняет свой секрет.
Тут как-то приходил один,
Сказал, что будто послан свыше.
Мол, надо научиться слышать,
Не зря дожил ты до седин...
— Уже однажды случай был, —
Сказал тогда суровый странник...
С тем, сил неведомых посланник,
Дверь за собой и затворил.
А старый плотник как живёт?
Работает и верит в чудо...
Уносит ветер пересуды,
А к дому караван идёт.

Баба Маша или зима в деревне

Зима страшит её бездельем,
Аморфностью своей страшит.
И тем, что новый понедельник
Уйти немедленно спешит.
Смешит метель, швыряет снегом.
Зима морозами грешит,
И под тяжёлым серым небом
Равнина скорбная лежит.
Бело.
Дорог нигде не видно,
Над крышами столбом дымки,
А ей порой бывает стыдно
За бесполезные деньки.
За то, что пусто на подворье.
И нищета, как тошнота —
Застряла тяжким комом
В горле.
А в сердце правит темнота.
Нет даже малого просвета,
Надежды тоже больше нет.
И даже скорбного совета
Никто не сможет бросить вслед.

В лифте

В лифте целуются он и она,
Лифт, притормаживая, понимает —
Вдруг да решается чья-то судьба?
Кто его знает, кто его знает...
Боже, откуда же их принесло?
Жадно губами воздух глотают,
Может быть, «крышу просто снесло»
Кто его знает, кто его знает.
Этой истории близок конец,
Двери послушно лифт отворяет.
Что же осталось?
Грохот сердец.
Что будет дальше?
Кто его знает.

Он и она

Как она его безумно любит,
Он ей ничего не обещает.
А она любовь свою голубит,
Всё ему прощает, всё прощает.
Он её не любит, нет, не любит.
Говорит об этом прямо, честно.
Но целует пьяный прямо в губы
И зовёт соломенной невестой.
У него жена и дочь большая —
Разве же она не понимает.
Боже мой, да кто она такая?
Всё ему прощает, всё прощает.
Боже, и за что ей эти муки?
Жить и ждать желанный редкий вечер.
В страхе жить — не каждая разлука
Может завершиться новой встречей.
Ухажёры роем наседают,
И от предложений нет отбоя.
Кто-то даже носом землю роет,
Обещает счастье неземное.
Это всё ей лестно, но не нужно,
А что нужно? А, сама не знает.
Каждый вечер очень вкусный ужин
На столе в гостиной остывает.

С Вовкой

С Вовкой мы ходили в баню.
В баню с Вовкой мы пошли.
Банку с белыми грибами
В бане с Вовкой мы нашли.
А ещё мы поллитровкой
Спозаранку запаслись.
И сказал тогда мне Вовка:
«Белый гриб и поллитровка —
Это славно. Это жизнь».
В бане парились мы с Вовкой
Очень долго — битый час.
Ни грибы, ни поллитровка
Не дождались с Вовкой нас.
С нами были две девчонки
Две нелепые судьбы.
Выпили они водчонку.
И поели все грибы.

Как она стобила-стобила
Он ей начал говорить
А она думала, что
Всё ему прощается
А ещё не поздно
Говорит об этом крамольник
Но не слушает
И зовёт её
У него есть и
Рядом с ним
Боже мой, да
Всё ему прощается
Боже, и за
Жить и
В страхе
Может
Ужасны
И от
Кто-то
Обещает
Это всё
А что
Каждый
На столе

ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

Об авторе

Павел Рудольфович Черкашин родился в 1972 году в селе Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа. После окончания школы поступил в Тюменское педучилище № 1 на отделение учителей начальных классов, затем в Тюменский госуниверситет на филологический факультет.

Публикуется с 1989 года. Многие стихотворения и рассказы писателя переведены на английский, армянский, азербайджанский немецкий, французский, итальянский, сербский, белорусский, болгарский, украинский, таджикский, татарский языки, на языки ханты и коми. На его стихи написано 9 романсов и 26 песен.

Автор шестидесяти пяти книг поэзии, прозы и переводов, изданных в России, Казахстане, США и Канаде. Является соавтором обширного ряда коллективных сборников и альманахов поэзии и прозы. Избранные произведения вошли в четырёхтомную «Антологию ямальской литературы», хрестоматию для учащихся 9-11 классов «Современная литература Югры», антологию «Югра многолика», Всероссийскую антологию «Поэты России».

Пишет как прозу, так и поэзию, занимается публицистикой, краеведением, творческой обработкой финно-угорского фольклорного материала и литературными поэтическими переводами.

Ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Член Союза журналистов России (2000), член Союза писателей России (2003), член Международного сообщества «Союз творческих сил «Озарение» (2006), участник V, XIII, XIV, XV, XVI и XVII конференций Ассоциации писателей Урала и Сибири (2004, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016), участник VII межрегионального фестиваля «Православие и СМИ» (2007). Делегат XIII Всероссийского Съезда Союза писателей России от ХМАО – Югры.

Лауреат конкурса МВД России на лучшее произведение литературы и искусства о деятельности органов, подразделений и служб внутренних дел (2001) в номи-

нации «Художественная литература и драматургия», лауреат Всероссийского конкурса МВД «Щит и перо» (2003) в номинации «Милицейские кадры», лауреат Всероссийских открытых фестивалей гражданской поэзии «Часовые памяти» и «Московские салюты» (2006, 2008), лауреат Всероссийского поэтического конкурса «Золотая строфа» (2009), лауреат окружного литературного конкурса ЯНАО «Патриот Ямала – патриот России» (2012), лауреат VI регионального конкурса «Книга года» в номинации «Нанокнига» (2012), лауреат Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2013), литературной премии губернатора Югры в области литературы (2013), Всероссийской литературной премии «Молодой Санкт-Петербург» (2013), литературной премии полпреда Президента в УрФО за книгу «Родина моего детства» (2014), национальной премии Армении в области культуры и искусства (2014), литературной премии губернатора Ямала в области литературы (2015). В 2014 году награждён номерной медалью СП России «Василий Шукшин» за успехи в литературном творчестве и пропаганду российской литературы за рубежом. В 2015 году награждён медалью Петровской Академии культуры и искусств «За достижения в культуре и искусстве». Имеет боевые и ведомственные награды МВД и МЧС.

Живёт в Ханты-Мансийске.

* * *

Мы помолчим с тобой о многом.
Пусть только жест,
 пусть только взгляд
Замрёт в значении глубоком.
Молчанье – нежности обряд.

Мы помолчим с тобой о разном.
К чему избытые слова?
Так много тайнства в безгласном,
Где каждый вздох – любви глава.

* * *

Спаси меня и сохрани,
Помилуй грешника, святая!
Не оттолкни, не прокляни.
Ты не такая! Не такая!

Мне не забыть желанных черт,
Я их люблю до содроганья!
Наш мир – он так жестокосерд,
К чему нам большие страданья.

* * *

Скажи мне правду, милый друг,
Когда ты искренна бываешь?
Когда — нежна — меня ласкаешь,
В объятия заключая рук?

Или когда ты холодна,
Речами колка и капризна,
И взгляд твой полон укоризны?
Когда — задумчива — одна?

Теряюсь, видя безучастье
В твоих глазах, в твоих словах.
Прости мне этот глупый страх,
Но кто ж не думает о счастье!

Любим ли? — Да! Я верю вновь.
Я не могу тебе не верить!
Да и возможно ли измерить
Твою столикую любовь.

* * *

Тебе тоскливо. Мне — вдвойне.
И мнится: ты со мной несчастна.
В смятенье я, душа в огне
И вновь рассудку неподвластна.
Люблю! Но нет ответа мне.
Мольбы и ласки — всё напрасно.
Ты холодна. И свет в окне
Желтеет зло и безучастно.

Но будет новый день, когда
Твоя печаль тебя покинет,
Улыбка озарит уста
И складки горечи раздвинет.
О, счастлив буду я тогда!
И снова: вечер быстро минет,
И осенит лучом звезда,
И нежность рук твоих обнимет.

Спаси меня и сохрани,
Помилуй грешника, святая!
Не оттолкни, не прокляни.
Ты не такая! Не такая!

Мне не забыть желанных черт,
Я их люблю до содрогания!
Наш мир — он так жестоко сер,
К чему нам больше страдания!

* * *

Пахло свежестью мятежной
Разгулявшейся весны.
Ты доверчиво и нежно
Про свои шептала сны.

Я в глазах твоих заметил
Блеск мерцающих светил.
Нет, не зря такую встретил
И в мечтах боготворил!

Всё совпало! Все приметы!
Словно бог услышал нас.
Как соседние планеты,
Мы сошлись в урочный час.

И взаимным притяженьем
Обручённые с тобой,
Общим тронулись движеньем,
Столь похожие судьбой.

* * *

Родная, снова мы в разлуке,
Увы, бессилён календарь
Ускорить дни, облегчить муки,
Хоть сотни раз его ударь.

«Мой ангел!» – тихо шепчут губы,
А руки ловят твой мираж.
Очнусь, – до боли стисну зубы, –
Всё только сон... Какой пассаж!

Опять без сна остаток ночи
Лежу, подушку теребя.
Одна лишь радость: стал короче
Отрезок жизни без тебя!

* * *

Я по тебе соскучился, как птица,
Спешащая на Север по весне.
Разлука наша четверть года длится,
И встречи наши только лишь во сне.

Ты, верно, тоже сильно стосковалась
И, засыпая, молишься: «Вернись!»
Всего неделя в Грозном мне осталась,
И я вернусь, любимая, крепись.

Военным самолётом из Моздока
К тебе на милый Север прилечу.
Ты встретишь меня жарко у порога,
И я твою кручину излечу!

Размолвка

1

Как холодно душе, как губы непослушны
И робкий взгляд в испуге коченеет,
Когда слова твои обидно равнодушны,
И даже память прошлого не греет.

Знобит до одури, как приступ лихорадки,
И день спустя, гордыню усмиряя,
Украдкой, на листочке из тетрадки
Пишу тебе: «Помиримся, родная!»

2

Вот беда: всё опять вкривь и вкось!
И обидно, точнее, досадно:
Не понять, что откуда взялось?
Вроде, лето прожили мы ладно.

Может, осень тоской дождевой
Залила наш очаг ненароком?
Мы – в размолвке. Уже не впервой.
Испытуемы чьим-то злым роком.

Уж известно давно, что не вечна любовь,
Но мы спаяны крепко судьбою.
Почему же мы ссоримся вновь?
Нет ответа, увы, нам с тобою.

мол, равнодушный,

* * *

Ночь одиночества выпью до дна,
Память поддержит мой тост молчаливый.
Хмуро глотая минуты без сна,
Я не замечу их бег торопливый.

Только под утро тоски алкоголь
Свалит меня забытьём безнадёги.
Лишь тишина – многозначный пароль
Цербером бдит на холодном пороге.

* * *

Посиди со мной, родная,
Прикорни ко мне на грудь.
Ты устала... Знаю, знаю,
Но прошу тебя, забудь
На часок про все заботы,
В ласке мужа утони,
Вот увидишь, все невзгоды
Унесёт на край земли!
Пусть Господь меня осудит,
Что бывал в словах я груб,
А твоим прощеньем будет
Поцелуй послушных губ!

* * *

Трудна супружеская жизнь,
Сложна, и всё ж — благословенна,
В дворцах, в простом укладе изб
Добра и зла попеременно.

И чуткий маятник судьбы,
Как обласок в волнах, качает.
То — счастья море, то — увы,
А равновесья не бывает.

* * *

Путешествовал я много,
Но давно обрёл причал.
Это — ты. Другой, ей-богу,
Я нигде не повстречал.

Ты, ниспосланная с неба
Благодатною звездой,
Стала мне вином и хлебом,
Чтоб познал я рай земной.

* * *

Забот — бесконечные будни,
А счастья — короткие сны.
В них звуки волшебные лютни
И запах цветущей весны.

Всё реже те сны, всё пугливей,
Страшна им утрюмая власть
Бессонницы быта грумливой.
А выспаться хочется — всласть.

Но, видно, Морфей заблудился
В далёкой чужой стороне.
Наверно, там кто-то влюбился
И счастлив в чарующем сне.

Послан со мной, родная,
Прикорни ко мне, не уходишь ты
Ты устала... Знаешь, когда она
Но прости, ей больно, ей больно
На часик про все забудь, я знаю
В ласке моя утроба,
Вот уходишь, забываешь, забываешь
Унесёт на край земной, забываешь
Пусть Господь, забываешь, забываешь
Что была в сей день, забываешь
А твоим прощеньем будет
Попелуй послушных твоих

* * *

Не водопад ревущий, нет,
Моя любовь – родник звенящий,
Цветок багульника, рассвет,
Что заплутал в таёжной чаще.

Пусть нет в ней страсти штормовой,
Она, поверь мне, не слабее,
Она, как добрый домовой,
Чем неприметней, тем милее.

Она похожа на зарю,
На песнь речного переката,
И я тебе её дарю.
Прими мой дар
и будь крылата!

* * *

Помолись за меня, помолись —
Истекает мой срок на планете —
За мою многогрешную жизнь,
Что однажды уйдёт на рассвете
В небывало далёкую даль
И обратно уже не вернётся.
Помолись, пусть глухая печаль
Твоих дум никогда не коснётся
О моей непутёвой душе,
Что урывками верила в Бога.
Я готов, я смирился уже.
Помолись, мне осталось немного.
Ну а после — легко вспоминай,
Пусть обиды не будут преградой.
Неумело любил я, но знай:
Ты была в моей жизни наградой.

* * *

В российской глубинке, на Вятке,
Под сенью берёз и осин,
Взволнованно, в скромной тетрадке
К морям путешествовал Грин.

А там, от надежды немея,
Омытая хладной росой,
Судьбу – благородного Грэя
Всё ждёт у причала Ассоль.

А там крики чаек и вечер,
И алые мчат паруса
Корабль к неминуемой встрече,
Туда, где любимой глаза.

Свершилось!.. И Грина улыбка
Счастливо скользит к небесам.
Над Вяткой кузнечика скрипка
Плывёт к облакам-парусам...

* * *

От ран душевных в сердце жжение.
Долой словесные корриды!
Любовью вымолю прощенье
За все невольные обиды.

Сложу трезубцы фраз и пики!
Пусть лучше буду безоружен,
Чтоб вновь прочесть на гордом лице
Ответ безгласный: «Ты мне нужен!»

* * *

Скомканный листик
Бросила. Ветер унёс
Девичью тайну.

* * *

Ты осерчала,
Значит, очень сердечна!
Смету черепки.

* * *

А мы всё так же не похожи,
Как два десятка лет назад,
Но тем бесценнее, что всё же
Сумели мы взрастить свой сад.

Щедры камнями жизни поле
И благодатных мало рос,
Но, повинувшись Божьей воле,
Мудрели мы. И сад наш рос.

Бывали частыми ненастья,
То снег, то засуха, то град,
Но неизменно солнце счастья
Дарило нам любовь и лад.

Пусть будет много дней погожих,
Но знаю, будут снег и град,
Ведь мы всё так же не похожи,
Как два десятка лет назад.

* * *

Вот так всегда в ставало, юный крест,
А ты опять слышишь сигнал зелёный...
Безжалостно-бескомпромиссной присяга –
И вот он же поверный и влюблённый.

Романс

Моя нежданная награда,
Моя заслуженная кара,
Ты Богом данный ключ от клада
Любви возвышенного дара.

Моя ты горькая услада,
Моя ты сладостная мука,
О, как тосклива серенада
В те дни, когда у нас разлука.

Моя печальная отрада,
Моя желанная погибель,
Но мне другой вовек не надо,
Ты мне, как иноку обитель.

Моё безжалостное счастье,
Моё прекрасное проклятье,
Моя богиня! В час ненастья
Я вновь спешу в твои объятья!

Ты осерчала,
Значит, очень сердечна!
Смету черепки.

* * *

Ожидание...

Верю, бегу –

В одиночестве –

К Небу? К тебе?

Оправдание...

Может, смогу

У пророчества

Вырвать себе

Обретение

Сна наяву.

Очень хочется!..

Но по губе –

Назидание...

* * *

Вот так всегда: я ставлю жирный крест,

А ты опять сулишь сигнал зелёный...

Безрельсово-бесшпаловый приезд –

И вот он я: покорный и влюблённый.

* * *

Конечно, я не лучший из мужчин.
Не принц, не секс-гигант и не герой.
Избрать другого – тысячи причин,
И я в недоумении порой,
Что выбрала ты именно меня
И встала рядом в храме под венец,
И стала аритмия бытия
Биением двух любящих сердец.

* * *

Хочу быть птичьим горцем – сорняком
На тропочке к твоей укропной грядке
Иль камешком, невзрачным кругляком,
Чтоб целовать твои босые пятки.
Кустом сирени благостно цвести,
Малиной зреть, чтоб в губы целовать,
И в сердце незабудкой прорасти,
Чтоб никому не дать её сорвать.

Причина кручины

Пью горькую... Чтоб горечь перебить
От самой разрушительной потери:
Твоей любви. Поймёшь ли?.. Может быть.
Хотя теперь в тебе другие трели...

* * *

А ты опять «в ночную смену»...
А я – в тоску и на стакан.
Проклясть?.. Простить твою измену?..
Окаменел, как истукан.
Душа зашлась безмолвным криком,
По венам пламя, а не кровь,
И в первобытном зове диком
Хоронит боль моя любовь.

Завещание

Умоляю, картинно у гроба не плачь,
Воскрешения мне у небес не проси
И цветы на могилу потом не носи,
Мой, любимый безмерно, счастливый палач.

* * *

Всегда признание в измене —
Удар клинка чуть выше сердца,
И жизнь потом — лишь злое скерцо
В бескислородно-жгучей теме.

* * *

Иссякает любовь... Так уходит вода,
Сколь не яростен вешний напор половодья,
Свежесть чувств иссушают невзгоды-года
И бросают, как хворост, в костёр Новогодья.
Неизбежное зло с непомерной ценой
Выжигает дотла, но сдаваться не буду:
Речку нашей любви я надежды стеной
Перекрою и чувствам устрою запруду.

* * *

Труднейшая наука — созидать.
Мы разрушать с зачатия способны.
И если не убить, тогда — предать,
Мы в этом преуспели и свободны
Вершить, увы, несправедную месть
За неумение понять друг друга.
А что в итоге? — Горьких драм не счесть.
Но вырваться из замкнутого круга
И снова сад доверия взрастить,
Раскалывая злых обид камень,
Не в этом ли спасительная нить
Из лабиринта слёз и отчужденья.

* * *

Не предавай меня, прошу,
Пожалуйста!
Не хорони мою любовь
Безжалостно.
Хочу быть небом для тебя,
Крылатая.
Не покидай! — Кричит душа
Распятая.

* * *

Женский голос, совсем не похожий на твой,
Сухо мне сообщит: «Абонент недоступен».
Запульсирует бешено в трубке отбой –
Беспощадно насмешлив и даже преступен.
Я застыну, исхлёстанный плетью гудков,
И опять до рассвета, в мучения лапах,
Не усну, обнимая холодный альков,
Но хранящий ещё твой пленительный запах.

* * *

Ты отключаешь на ночь телефон,
Когда уходишь от меня к другому,
И зря старается автодозвон
К паролю цифр пробиться дорожному.
Лишь утром эсэмэска: ты – в сети,
Я набираю номер торопливо,
Но скуп ответ: ни «Здравствуй!», ни «Прости!»,
И меркнет день, и угольно тоскливо.

У мамы

Ты, как в детстве, укроешь меня одеялом,
Поседевшую чёлку погладишь рукой,
И на сердце моём, бесконечно усталом,
Станет снова тепло. Долгожданный покой
Лунным светом прольётся в оконные рамы
И легко исцелит от душевных скорбей.
Я нигде так не счастлив, как в доме у мамы,
Тихой пристани жизненной лодки моей.

* * *

Не верь, прошу, туманам отчужденья,
Они – не в счёт.
Моя река долиной всепрощенья
К твоей течёт.
Мой жизни смысл, моё предназначенье –
Тебя любить.
Сквозь все века, от миротворенья,
И, может быть,
До самого заката, до крушенья
Всего и вся,
Служить тебе оплотом утешенья,
Любовь моя!

* * *

Нелюбимых в бреду не зовут...

Ирина Кузнецова

Ты любима! Я даже в бреду,
Как молитву, шепчу твоё имя.
Босоногой душою бреду
По судьбе – бесконечна пустыня
Наговоров и злой ворожбы
На раздор, на разрыв, на погибель,
Но не бойся, все козни пусты,
Ты любима!

Твой ангел-хранитель.

* * *

Строю дом. Стопудовые сваи вбиваю:
Веру, Надежду, Любовь.
Нерушимой молитвой под каждую сваю
Вышепчу прочную словь.
Заложу обереги в венцах от остуды,
В сенях подкову прибью,
И не будут страшны нам с тобой пересуды
В доме, чьё имя «Люблю»!

Сопряжение

Смотреть друг на друга
И видеть,
Слушать друг друга
И слышать,
Чуять друг друга
И чаять,
Пестовать, холить
И нежить!

Утром прощай,

Милый мой сон,

Долго не лези

Скоро ли расстань,

* * *

Поговори со мной безмолвной речью,
Открыто, по душам.
Я отзовусь, сквозь сотни вёрст отвечу,
Наперекор ветрам,
Что властвуют на расстанях извечно
Седых путей-разлук,
На голос твой вернусь дорогой млечной,
Сердечный милый друг!

Несбывшееся

Хмельной весною город напоён,
И ты – босая, в лёгком платье,
И каждый шаг любовью окрылён –
Спешишь навстречу мне в объятья!..

Об этом грезилось, мечталось,
Я был наивен – ну и пусть!
Ты не ушла, нет – ты осталась
В душе как трепетная грусть!

* * *

Избираем дороги лекарством
И идём сквозь ветра-костоправы.
Нет, не рвёмся в бессмертия царство
И не ищем волшебные травы,
Чтоб сместить час последнего вздоха.
Пусть горьки нашей жизни отвары,
Пусть страдаем, что тоже неплохо –
Это к счастью цена переправы.

* * *

День без тебя...
 вечер...
 ночь без объятий...
Маюсь, хрипя,
 в паутине проклятий.
Ты не звонишь
 или вовсе «вне зоны».
Кто он – другой,
 мне ещё незнакомый?
Утром придёшь
 ледяной недотрогой...
Милый мой ёж,
 параллельной дорогой
Долго ль идти
 без ответного зова,
Скоро ли расстань,
 где встретимся снова?..

* * *

Не верю, что за точкой невозврата
Твоя любовь, но даже если так,
Взлечу я вслед, душа моя крылата,
И сердца жар взорвёт остуды мрак.
Но только ты не смей сопротивляться,
Пусть робко, но мне руку протяни,
Мы в прошлое не будем возвращаться,
Мы новых чувств зажжём с тобой огни.

* * *

Вторые одуванчики цветут,
Пускай не так безудержно, как в мае,
Но всё же, погляди, и там, и тут
Их солнышки в траве затрепетали.
Как жаль, не суждено им доцвести,
Осенние ветра в окно стучатся.
Но два венка успею я сплести,
Чтоб в храме сентября нам обвенчаться.

* * *

Тебе остаток жизни посвящу,
И пусть он будет дольше, чем я прожил.
Лишь об одном у Бога попрошу,
Чтоб Он моё смирение приумножил.
И пусть я на себе поставлю крест,
Но лишь затем, чтоб ты была крылата,
Прекраснейшая в мире из невест:
Моя жена — награда и расплата.

* * *

Истончилась, истаяла в небе полоска,
Улетел самолёт, уносящий тебя,
И надвинулись тучи угрюмо и плоско,
И обрушились вниз пеленою дождя.
И стою я, укутан в холодные струи,
Одинокий и грустный дитя сентября,
Вспоминаю объятия твои, поцелуи,
И, едва проводив, жду обратно тебя!

* * *

Вот он я, оголённый до нерва, до сути,
Точно провод, лишённый защитных слоёв,
Я красив, но опасен, как шарики ртути,
Как свечи лепесток для ночных мотыльков.
Обнажён до предела, теку сладким соком
Откровенности, ласки и чуткой любви,
Но не смей обмануть, мои чувства под током,
Лучше сердца засовы в ответ отвори.

* * *

Любить — терять — любить — терять...
Жестокий маятник судьбы.
Банально? Да. Но как сказать
О том, что присно мы слабы
Его движение прервать,
Обречены вовек, увы,
Любить — терять — любить — терять,
На сердце множа боли швы.

Бунтарь

Собирайся! Едем! Хватит!
Завтра! Слышишь! Навсегда!
Белокрыльем нас подхватит —
Самолётом! Хоть куда!
Необдуманно? — Наверно.
Говоришь — сошёл с ума?
Всё равно — уедем! Скверно!
Ты же видела сама,
Ты же плакала ночами!
Чёрствый мир! Зачем он нам?
Лучше ветер за плечами,
Чем с обидами карман.
Что же медлишь? Ты смирилась?
Нет? — Тогда я не пойму.
Боже, как ты изменилась!..
Ты не едешь? Почему?!
Говоришь, что нет надежды,
Что и там нещадно лгут?
Нет! Очнись! Накинь одежды!
Не останемся мы тут!
Будем гордыми орлами
Независимо парить.
Собирайся! За горами
Справедливость победит!

* * *

В тереме новом
В горнице светлой
Девичья меркнет краса.
Любый уехал
В земли чужие —
Выели слёзы глаза.
Не докричатся
И не дождаться
Милого с ратных полей.
С лютою смертью
Друг повенчался
В Храме испытых скорбей.

* * *

Что поделать, все мы — воры,
У самих себя крадём
Счастья нежные просторы
И часы сладчайших дрём.
После — голодом томимы
На худом пайке любви,
Но, увы, неисправимы,
Хоть и локти — до крови.

* * *

Когда б мы жили без затей...

Вероника Долина

Затейливость жизни мешает плодиться,
А я до частицы хочу раствориться
В божественном племени наших детей,
Но тщетно стремлюсь расквитаться скорей
С бесчисленным скопом делов и делишек...
Спасибо тебе за двух славных сынишек!
И всё же не рано ли ставить нам точку?
Давай запятую! Так хочется дочку!

* * *

Если любишь, то клясться не надо,
И не нужно весь мир обещать,
Заверений фальшива рулада.
Если любишь – готовься прощать.
Лишь тогда оперятся, окрепнут
Крылья птицы семейного лада.
Никакие ветра не истреплют!
Если любишь...

* * *

Твой кораблик на причале
Поднимает якоря,
Я стою в немой печали,
В сердце хмурость ноября.
Выпью, вычерпаю море,
Искромсаю парус в хлам,
Но в неведомое горе
Не пущу и не отдам!

Сивилле

Молчи, пророчица, молчи,
Слова твои страшнее боли,
Страшнее стрел врага в ночи
И божьей воли.
Прошу, сомкни навеки рот,
Речей твоих смертельна сила,
Оставь в неведение народ.
Молчи, Сивилла!

Жене Амфиона

Не гневи богов гордыней
И насмешками не зли.
Мсть ужасна – сердце стынет,
Нет пощады – не моли!
Станешь чёрным камнем скорбным,
Только слёзы вниз ручьём
Потекут со звоном дробным
Непрестанно, день за днём.

Эроту

О, женское проклятье – любопытство!
Прости его Психее, юный бог.
Ведь нагота супруга – не бесстыдство.
Не будь жесток.
Завистливые сёстры – не Психея –
Виновны, что плечо горит твоё.
Лети же к ней, лети, от страсти млея!
Люби её!

Колыбельная любимой

Спи, небесная, спи, кошка,
Крылья белые сложи.
Пусть луна глядит в окошко
И рисует миражи
На груди ночного моря,
Засыпай. Награда ждёт:
Сны волшебные, без горя.
Спи... А солнышко – взойдёт!

* * *

Я знаю, будет так невыносим
Накопленный за много лет и зим
Священный мусор нашего жилья.
И парочка скелетов (как без них)
Костяшками стучат и в этот стих.
Пускай стучат... – Я твой, а ты моя!

* * *

А небо плыло... а время шло...
И было тихо, и хорошо
Лежать в кроватке, держать ладонь
Вздремнувшей мамы и на огонь
Огарка свечки смотреть, смотреть,
И жар от печки мне щёки греть
Незримо будет, и в эту тишь
Прольётся голос: «Малыш, ты спишь?»
Я не отвечу – пускай поспит
Мой самый главный и верный щит.
И снова тихо и хорошо.
А небо плыло... а время шло...

* * *

Не знаю, может, сожалея,
А может быть, перекрестясь,
Тревожить прошлое не смея,
И ворошить в нём сор и грязь,
Меня ты вспомнишь в одночасье,
Сердито локоном тряхнёшь,
Осознавая: было счастье,
Но не окликнешь, не вернёшь...

* * *

Зачем, мой друг, тебя я полюбила? —
Затем, соколик, чтобы каждый год
Я в новой шубе норковой ходила
И с паюсной икоркой бутерброд
Вкушала бы не только в день рожденья,
А в Рождество летала на Бали,
Чтоб день и ночь сплошные наслажденья
Железным доказательством любви.
Тебе ж в награду — лучшая на свете,
Такую ты не видел и во сне!
Ты что-то прошептал, лапусик?.. Сети?..
Ах, дети!.. Дети — это не ко мне.

* * *

Буду трогательно нежен,
Но настойчив до конца!
Океан любви безбрежен!
Пусть не в возрасте юнца,
Но душой я так же пылок,
Сердце — настезь для тебя —
Не устало, не остыло,
Бьётся, преданно любя.

* * *

И пахло вишней за окном,
И в небосводе голубом
Стрижи метались.

И этим тёплым майским днём
Мы были в комнате вдвоём
И целовались.

Давно остыл забытый чай,
Но время словно невзначай
Остановилось.

И был я счастлив без вина,
И ты была любовь сама,
И всё свершилось.

* * *

Отдайся не мне,
Отдайся сновиденью,
Ведь я уже там

* * *

В те дни, когда не вспомнишь обо мне,
Я – старый зонт с изломанною спицей,
Я – книга, что забыта на скамье,
Её прочтёт, страницу за страницей,
Осенний ветер, но не ты, не ты.
Забыта – знать, была не интересна.
Не вспоминай. Довольно маеты.
По крайней мере, это будет честно.

* * *

По собственной прихоти – не по чужой
Живём с заскоруждой нечуткой душой.
Открыться боимся – а вдруг загрызут?
Окуклились. Из равнодушия пут
Не видим, не слышим. Не дёрнется бровь
На стук в нашу дверь. А стучалась Любовь.
Когда-то и Счастье стучалось в наш дом,
А с ним и Богатство... Ушли. – Поделом!
Остались теперь без гроша за душой
По собственной глупости – не по чужой.

* * *

Не угодить! – На обед приготовил солянку,
А на второе – с пюре антрекот. –
Носик воротит, желает с тунцом запеканку
И абрикосовый с цедрой компот.
Снова дежурным по кухне в наряд заступаю:
Парить и жарить, тушить и варить.
К ужину всё в аккурат – и накрыть – успеваю.
Слышу: – Пельмешек бы... – Не угодить!

* * *

И мы с тобой не пара
Ни бот, ни сапогов,
Судьба не мёд, а кара
Для разных берегов.
Напрасная истома.
И всё же не мирись:
Смотри, у окоёма
Два берега слились.

* * *

Стонут одиноко сосны над тобою.
Горькою полынью, сорною травой
Заросла — не видно — торная дорога.
Прогневили, видно, ненароком Бога.
Не кручинься, милый, за приход мой редкий.
В шорохе да в скрипе, в тихом хрусте ветки —
Лишь тебя ждала я. А теперь не важно,
Что скрипят от ветра жалобно, протяжно
Над девичьим счастьем кроны старых сосен.
Уходила в лето, оказалось — в осень.

* * *

О нет, ещё не та взошла заря,
И за окном не та капель запела.
И ты ко мне пришла напрасно, зря
Тревожа сон расслабленного тела.
Я неподъёмен, глыба я, гранит,
И ты, смирясь, с привычною сноровкой
Колдуешь у плиты с микроволновкой,
И ждёшь, когда будильник зазвенит.

* * *

Кровить люпином, рушиться скалой,
По тоненькой струне идти над бездной,
Превозмогать недуги, холод, зной,
Объятия тоски рукой железной,
Терзаться в мыслях, сердцем трепетать,
Гореть в душе огнём неугасимым,
И жилы рвать, и сто ночей не спать
За счастья миг — ответно стать любимым.

* * *

Мной только, избранным из сотен,
Ты будешь сладостно пьяна,
Когда ворвусь, горяч и плотен,
В твой ждущий сон, и как весна
Прольюсь в тебя ручьём любовным,
В пучине ласки утоплю,
И ты в ответ с дыханьем томным
Во сне прошепчешь мне: — Люблю!

* * *

Оставаясь опять в дураках,
Я умру в нищете и в безлюбье.
Головой провитал в облаках,
Хоть ногами стоял на распутье:
Быть богатым и нос в табаке
Предлагала направо дорога,
Быть прославленным в каждой строке
И иметь восемь пядей от Бога,
Если влево. Увы, голова
Всё любовь в поднебесье искала
Да в стихи облекала слова.
А дорог колея зарастала.
Эх, головушка – глупая ты!
Нет небесной любви, есть земная.
С ней во славе и без нищеты
Ты дошла бы до самого рая.

* * *

Любовь всеильна и слаба,
Любовь ранима и бессмертна,
Любовь – богиня и раба,
Нетороплива и усердна,
И даже если безответна,
Её служенье беззаветно.

* * *

«Я к Вам пишу...»,
А Вы ко мне...
Стихом грешу
И при луне
Шлифую слог
В который раз,
И вот итог:
«Я встретил Вас...»

* * *

Нескучный секс наскучит очень быстро.
Красотка ты, но ведь с лица воды не пить.
Шампанское лишь пять минут игристо.
Скажи, о чём же мне с тобою говорить?
О том, что в ГУМе снова распродажа?
О сценаристе третьесортного кино?
Всё это для меня такая лажа!
Как для тебя Гоген и Гоголь – всё одно.
Оставь свои минетные уловки.
На скудоумие, как видишь, не встаёт.
Для головы кого б, а для головки
Вполне и Дунька Кулакова подойдёт.

Колыбельная

Птичке – ветки с небом вдоволь,
Мышке – норки с колоском,
Жеребцу – в степи раздолья,
Кошке – блюда с молоком,
А тебе, моя кровинка, –
Всё на свете. Навсегда.
Даже малая травинка,
Даже дальняя звезда.

Если вечно. Увы, голова
Всё любовь в полнебесие встала
Да и стихи облакала слова
А доржи юная зарастала.
Эх, головушка – глупая ты!
Нет небесной любви, есть земная.
С ней во славе и без пылкости

Плач молодой вдовы

Гой родимый мой, свет очей моих,
Друг сердечный мой, друг мой ласковый,
Дворянин-душа, мать-отецкий сын,
Ненаглядный мой, неналасканный.
Ты вдохни-вздохни, поднимись с земли,
Разомкни навстречь руки нежные,
Размежи на мир веки спящие,
На меня взгляни, друг, по-прежнему.
Гой ты любый мой, свет очей моих,
Друг сердечный мой, друг мой ласковый,
Улыбнись, проснись, поцелуй в висок,
И окличь меня да по имени.

* * *

Ах, как сладко и страшно, светло и тревожно,
Слыша гром, целоваться под летним дождём!

Надежда Мохина

Ах, как сладко и страшно, светло и тревожно,
Слыша гром, целоваться под летним дождём!
И не верить в разлуку! – Да разве возможно,
Разве небо допустит нам быть не вдвоём?
Нас гроза перекрестием молний венчала
И кропила на счастье сильней и сильней!
Это в юности было... То было начало
Разнолетья и страшных, и сладостных дней.

* * *

Твой портрет из пазлов палых листьев
На аллее в парке соберу.
Словно колонковой нежной кистью
Оживлю брусчатку ввечеру.
Знаю, мимолётны все старанья,
Сбудется на грех плохой прогноз,
И любви сердечные признанья
Унесёт поток небесных слёз.

* * *

Когда душа от счастья пьяна —
Трезвей и горы злата не сули.
Пускай для всех останется луна
И дальние созвездий корабли.
Дурман пройдёт любовного вина.
И что? «Прости, родная, — на мели»?
Чтоб рядом навсегда была она,
Совет один: копи, копи рубли.

* * *

Без мук, без слёз, без напряженья —
За всё простить.
И вновь без гири униженья —
Как впредь любить.
Наветы, сплетни и соблазны —
Навек забыть.
Но если жертвы все напрасны,
Тогда — убить?

*Вятскому поэту Надежде Мохиной
с шуточным сочувствием об утрате*

* * *

Украли книги у меня!
В обычном сельском магазине!
Десятка три! Средь бела дня! —
Я прямиком к кассирше Зине:
Мол, так и так, пропал пакет,
Стащили книг большую стопку.
Ужель читать?.. Она в ответ:
— Всего вернее — на растопку.
— Как на растопку?! — Не читать?
А я-то тешилась надеждой...
Кассирша мне: — Что горевать...
Не то, что Мохиной Надеждой,
Их даже Блоком не прельстить,
Ну, разве только сигаретным,
А так, хоть печку растопить
И дом согреть стихом заветным.

* * *

Любит-не любит-
любит-не любит-любит-
не любит — любит!

* * *

Давай присядем на пороге,
Поговорим о том, о сём,
Пусть дождик льёт и все дороги
Пьяны слезливым октябрём.
Нам никуда спешить не надо,
Тесней прижмёмся под зонтом.
Покой – бесценная награда,
А все дела – потом, потом.

Песенка пилигрима

Чтоб расстался навеки я с духом бродяжьим
И с тобою встречал песню каждой зари,
Подари мне подушку. Не с пухом лебяжьим –
С шелухою гречихи, прошу, подари.
И добавь к ней соцветья душистого хмеля –
Перемены недолго потребуют ждать:
Стану я домоседом. Ну, чисто – Емеля!
Что ни в сказке сказать, ни пером описать.

* * *

О, не ищите идеал,
Не тратьте времени напрасно,
Вся жизнь полна кривых зеркал,
Несовпадениями прекрасна.
Непогрешимый эталон
Вам не подарит ту интимность,
Как червоточинки излом.
Уж коль искать, то лишь взаимность.

* * *

Приснилось мне в метро, что я во Франции,
В Париже на Монмартре пью кофей.
В итоге – на последней вышел станции.
В Медведково. Голодный. Без рублей.
Конечно же, не Франция Медведково,
Да и Москва далёко не Париж.
Плетусь в ночи озябшею креветкою
Назад к тебе. А ты и не звонишь...

Гусарская песенка

Чтоб воду в ступе не толочь
И не ходить зазря кругами,
Скажу я прямо, что не прочь
Быть эту ночь в постели с вами.
Как солнца луч пронзает тьму,
Так жажду я интимной шпагой
Проникнуть в вас! Ах, почему
Вам не отдаться мне с отвагой!
Живём, mon cher, лишь только раз,
Прошу, не будьте столь жестокой.
Ах, к чёрту ночь! Хочу сейчас!
Вон в той беседке одинокой!
Ведь завтра снова мне в поход —
Уважьте храброго гусара,
Откройте путь в заветный грот
Гонцу любовного пожара!

Песенка палатника

* * *

Образ любимой
Иероглифом счастья
В сердце начертан

* * *

Так радо сердце милым пустякам,
Когда весь мир и счастлив, и беспечен,
И вновь распахнут музыке, стихам,
И каждым мигом жизни человечен!
Ты только мимо в спешке не пройди,
Ведь в мелочах порой такая сладость,
Почувствуй, как колотится в груди
Прозрения нечаянная радость!

* * *

С планом Мойры заодно
Шелестит веретено,
И прядут судьбу персты
Для тебя. Не в праве ты
Заглянуть в жилище к ней
И проведать, сколько дней
Впереди ещё осталось.
Может, той кудели малость?
Что ж ты – станешь умолять?
Помолись – как есть принять.
Это только Мойры власть:
И начать, и кончить прясть.

Ведунья

Коль прознал ко мне ты дороженьку
Да пришёл с тоской подсердечною,
Так присядь теперь тихо рядышком,
Расскажу как есть всё про всёшеньки.
Хвороба твоя, хоть и жгучая,
А не смертная, не печалуйся,
Не казись зазря, не трави себя,
Не кручиною счастье сводится.
Не глядит краса в васильки-глаза —
Дело знакомое, поправимое,
Дело скрытное, дело тайное,
Заговорное, приворотное.
Хоть на вынутый след,
Хоть на кость-гребешок,
Хоть на волос срамной,
Хоть на церкви порог.
А верней всего мятным пряничком
Угостить красу светлым праздничком,
Мятным пряничком наговоренным.
Как вкусит его, так и влюбится.

* * *

Какое ребро —
Вот такая и Ева.
И нечего тут...

* * *

СОДЕРЖАНИЕ

Так мало надо для тепла
В часы житейского ненастья:
Сидеть в обнимку у стола
И целовать твои запястья,
Печали сердца утешать,
И сон баюкать мимолётный,
И в унисон вдвоём дышать,
За всё прощая день черёдный.

Заклинание

Будь мне ныне и впредь
Небесами – лететь,
Океаном – тонуть,
Будь богиней!
Будь землёю – рожать,
Кислородом – дышать,
Будь свечой и любви
Берегиней!

* * *

Ещё намолимся. Давай говорить, –
Сезон за окном в самый раз подходящий,
Не бойся словами беспечно сорить,
Пока сорит снегом за миром Смотрящий.
Забудем про то, что есть телеэкран,
Пускай это первою будет победой,
И будем целить наши души от ран
Бесхитростной, мирной, сердечной беседой.

* * *

Бесшумных два крыла, прошу, не опали мне.

Мария Четверикова

Бесшумных два крыла, прошу, не опали мне
Огнём глухой тоски, когда уйду в закат,
Тебя оберегать от бед и стужи зимней
Я буду даже там, как преданный солдат.
Нет, это не сейчас. Сейчас любви обетом
Пред ликами святых мы венчаны с тобой,
И солнце высоко, и греет добрым светом,
И двинет на закат не этою весной.

СОДЕРЖАНИЕ

ИГОРЬ КИРИЛЛОВ

Об авторе	4
Ко мне приходит женщина одна	6
Всегда рисую женщину одну	8
Меня встречает женщина одна	10
Мне кажется — несчастлива она	11
Её любви должно хватать на всех	12
От счастья	13
Ночь-воровка	14
Ваше сиятельство	15
Предчувствие	16
За женщиной вхожу в осенний сад...	17
«Ветер сшил для поля саван...»	18
Час жестокий...	19
Любить тебя...	20
Я не могу разгадать	21
Продаются щенки Королевского дога	22
Родина	23
Ты представь себе...	24
Эти свадебные сани	25
Милая	26
Клятвы	27
Я вернусь...	28
Люди любят ночами...	29
В таверне — сизый смог	30
Послесловие	31
Душа мятежная моя	32
Разбивалась пурга о бетонные стены	33
Другая повесть	34
Где-то, за синими далями	35
Привальная песня	36
Плач	37
А я по-прежнему несносен	38

Очи твои продрогшие	39
Имя Римма	40
Ностальгия	41
«Я пёс у Ваших ног...»	42
«Опять разжалован в пажи...»	42
В ту ночь	43
Эта бойкая девчонка	45
Золотится слеза на стекле	46
Бабье лето	47
Я хотел бы...	48
Она сочиняет рассказ	49
При каждой нашей ссоре	50
Вы снова замужем	51
В отпуске	52
По грибы	53
Как долго мы с тобой живём?	54
Бес в ребро	56
«Ты попросишь, и Бог простит...»	57
Танцует девочка...	58
Люська	59
На малой Родине	60
Вхожу в осенний сад твоей судьбы	61
В краткий миг забытья	62
Ты станешь моложе	64
А хочешь...	65
Я всё пытаюсь уловить	66
Черкешенка Бэла	67
Если я не умру по дороге домой	69
Была ты когда-то в восторге	71
Графиня	72
Как бы был твой убор благороден и строг	73
Жить больше незачем	74
Вновь, как века тому назад	75
Баба Маша или зима в деревне	76
В лифте	77
Он и она	78
С Вовкой	79

ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

Об авторе	82
«Мы помолчим с тобой о многом...»	84
«Спаси меня и сохрани...»	84
«Скажи мне правду, милый друг...»	85
«Тебе тоскливо. Мне – вдвойне...»	86
«Пахло свежестью мятежной...»	87
«Родная, снова мы в разлуке...»	88
«Я по тебе соскучился, как птица...»	89
Размолвка	90
«Скучно, милый мальчик, скучно...»	91
«Ночь одиночества выпью до дна...»	92
«Посиди со мной, родная...»	92
«Трудна супружеская жизнь...»	93
«Путешествовал я много...»	93
«Забот – бесконечные будни...»	94
«Не водопад ревущий, нет...»	95
«Помолись за меня, помолись...»	96
«В российской глубинке, на Вятке...»	97
«От ран душевных в сердце жжение...»	98
«Скомканный листик...»	98
«Ты осерчала...»	98
«А мы всё так же не похожи...»	99
Романс	100
«Ожидание...»	101
«Вот так всегда: я ставлю жирный крест...»	101
«Конечно, я не лучший из мужчин...»	102
«Хочу быть птичьим горцем – сорняком...»	102
Причина кручины	103
«А ты опять «в ночную смену»...»	103
Завещание	103
«Всегда признание в измене...»	104
«Иссякает любовь... Так уходит вода...»	104
«Труднейшая наука – созидать...»	105
«Не предавай меня, прошу...»	105
«Женский голос, совсем не похожий на твой...»	106
«Ты отключаешь на ночь телефон...»	106

У мамы	107
«Не верь, прошу, туманам отчуждения...»	107
«Ты любима! Я даже в бреде...»	108
«Строю дом. Стопудовые сваи вбиваю...»	108
Сопряжение	109
«Поговори со мной безмолвной речью...»	109
Несбывшееся	110
«Избираем дороги лекарством...»	110
«День без тебя...»	111
«Не верю, что за точкой невозврата...»	112
«Вторые одуванчики цветут...»	112
«Тебе остаток жизни посвящу...»	113
«Истончилась, истаяла в небе полоска...»	113
«Вот он я, оголённый до нерва, до сути...»	114
«Любить – терять – любить – терять...»	114
Бунтарь	115
«В тереме новом...»	116
«Что поделать, все мы – воры...»	116
«Затейливость жизни мешает плодиться...»	117
«Если любишь, то клясться не надо...»	117
«Твой кораблик на причале...»	118
Сивилле	118
Жене Амфиона	119
Эроту	119
Колыбельная любимой	120
«Я знаю, будет так невыносим...»	120
«А небо плыло... а время шло...»	121
«Не знаю, может, сожалея...»	121
«Зачем, мой друг, тебя я полюбила...»	122
«Буду трогательно нежен...»	122
«И пахло вишней за окном...»	123
«Отдайся не мне...»	123
«В те дни, когда не вспомнишь обо мне...»	124
«По собственной прихоти – не по чужой...»	124
«Не угодить! – На обед приготовил солянку...»	125
«И мы с тобой не пара...»	125
«Стонут одиноко сосны над тобою...»	126

«О нет, ещё не та взошла заря...»	126
«Кровить люпином, рушиться скалой...»	127
«Мной только, избранным из сотен...»	127
«Оставаясь опять в дураках...»	128
«Любовь всесильна и слаба...»	128
«Я к Вам пишу...»...»	129
«Нескучный секс наскучит очень быстро...»	129
Колыбельная	130
Плач молодой вдовы	130
«Ах, как сладко и страшно, светло и тревожно...»	131
«Твой портрет из пазлов палых листьев...»	131
«Когда душа от счастья пьяна...»	132
«Без мук, без слёз, без напряженья...»	132
«Украла книги у меня...»	133
«Любит-не любит...»	133
«Давай присядем на пороге...»	134
Песенка пилигрима	134
«О, не ищите идеал...»	135
«Приснилось мне в метро, что я во Франции...»	135
Гусарская песенка	136
«Образ любимой...»	136
«Так радо сердце милым пустякам...»	137
«С планом Мойры заодно...»	137
Ведунья	138
«Какое ребро...»	138
«Так мало надо для тепла...»	139
Заклинание	139
«Ещё намолчимся. Давай говорить...»	140
«Бесшумных два крыла, прошу, не опали мне...»	140

Литературно-художественное издание

16+

КИРИЛЛОВ

Игорь Викторович

ЧЕРКАШИН

Павел Рудольфович

Terra incognita

Сборник стихотворений

Выходит в авторской редакции.

Выпускающий редактор П. Р. Черкашин

Операторы набора И. В. Кириллов, П. Р. Черкашин

Предпечатная подготовка П. Р. Черкашин

Корректор П. Р. Черкашин

Подписано в печать 15.11.2016.

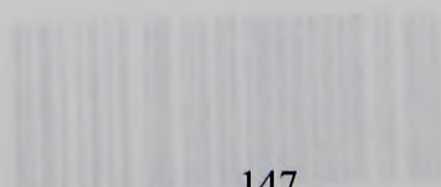
Печать офсетная. Гарнитура Garamond. Тираж 300 экз.

Издательство «Lulu»

США, Северная Каролина, г. Роли

Хиллсборо-Стрит, 3101

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Литературно-художественное издание

16+

КИРИЛЛОВ

Игорь Викторович

ЧЕРКАШИН

Павел Гудимович

Terra incognita

Сборник стихотворений

Выходит в авторской редакции

Выпускающий редактор П. Р. Черкашин

Операторы набора Н. В. Карамин, П. Р. Черкашин

Предметная подготовка П. Р. Черкашин

Корректор П. Р. Черкашин

Подписано в печать 15.11.2016.

Печать офсетная. Гарнитура Garamond. Тираж 300 экз.

Издательство «Ladus»

США, Северная Каролина, г. Роли

Хиллсборо-Стрит, 3101

80-00

057262017

Государственная библиотека Югры

ИГОРЬ КИРИЛЛОВ
ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

TERRA
INCOGNITA

ID: 19844630
www.lulu.com

ISBN 978-1-365-53585-7

90000